

Ольга Романовская

Я ВАМ НЕ ВЕДЬМА!

Ольга Романовская Я вам не ведьма

Серия «Романтическая фантастика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67248677

Я вам не ведьма! / Ольга Романовская: Авторское; 2022

Аннотация

Вместо прогулки с новой знакомой по Праге перенестись в другой мир? Легко! А вот выжить там куда тяжелее. Кате в Средневековье не рады, принимают за ведьму, грозятся то сжечь, то утопить. Помочь ей может лишь местный маг, только как достучаться до его сердца? Вдобавок враги нового знакомого не дремлют и собираются взять Катю в оборот...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	80
Глава 8	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ольга Романовская

Я вам не ведьма!

© Ольга Романовская, 2022

Глава 1

Если бы я знала, во что вляпаюсь, не стала бы скачивать «Инстаграм», но я понятия не имела и с глупой улыбкой записывала сторис в пражском аэропорту. Счастью моему не было предела. Перенестись с берегов Невы в город своей мечты! Причем совершенно случайно. Как сейчас помню, закончив обрабатывать очередную порцию фотографий, я лежала на кровати и листала ленту любимой соцсети. Палец лениво скользил по ярким картинкам, в голове крутились разные мысли. К примеру, стоит ли пойти на кухню и взять кусок тортика. Его подарили благодарные клиенты – семейная пара, которую я снимала в прошлую субботу. Хорошие люди, даже отзыв не поленились оставить.

Зажмурившись, позволила себе помечтать. Вот я получаю звание «Фотограф года», вот заключаю контракт с «Vogue». Вообразив себя новой Энни Лейбовиц, едва не уронила телефон. Дернувшись, успела-таки его подхватить, но пролистнула ленту вниз. Хотела вернуться к посту о важности правильной формулировки целей, но тут мой взгляд упал на рекламную запись. И все, я поняла: хочу! Это же моя детская мечта – побывать в Праге.

Увы, визит в турфирму закончился разочарованием: туров по промо-предложению не осталось. Неужели придется отказаться от мечты? Пригорюнившись, я собралась было

уходить, когда вдруг отменилась бронь на нужные мне даты. Не судьба ли? Как оказалось, злой рок.

Плюс самозанятости в том, что не надо отпрашиваться у начальства, искать себе замену. Раз – и ты уже бродишь по кривым улочкам, ловишь в объектив старинные вывески, лица людей. А потом пьешь пиво в заведении, в которое, по легенде, хаживал сам Швейк.

Прага наполняла меня энергией. Хотелось всего и сразу: сочинить роман, влюбиться и записаться на танцы. Прежде я как-то не решалась. Знаете, жило на подкорке: «Не смогу, не справлюсь», а тут вдруг отпустило. Я даже смеялась шуткам официанта в кафе, куда каждое утро забегала выпить чашечку ароматного кофе.

Ее я не заметила, засмотрелась на химеру. Не глядя, сделала шаг назад и толкнула девушку в зеленом бомбере и джинсах-бойфрендах.

– Простите! – на автомате извинилась на русском, запоздало сообразив, что меня не поймут.

– Ничего страшного, со всеми случается, – на том же великом и могучем ответила девушка.

Завязался разговор. Девушку звали Машей, она прилетела из Москвы. Должна была ехать с подругой, но в последний момент у той поменялись планы. Маша так радовалась, что столкнулась с соотечественницей и буквально упростила побродить с ней по городу. Пожалев ее, согласилась и вскоре пожалела о своей сердечности. Прага для Маши оказа-

лась всего лишь локацией для селфи. Ей было все равно куда идти, лишь бы там ловил интернет. Пока мы петляли по древней крепости, она зависала на Гугл-картах и все строчила кому-то сообщения. Интересно, что она так активно обсуждает? Оповещения «Вайбера» приходили чуть ли не каждую минуту. Попыталась краем глаза посмотреть на экран, но Маша прикрыла его ладонью. Я успела прочитать только: «Все идет по плану, она никуда не денется». Странная, даже пугающая фраза, которой я легкомысленно не придавала значения.

Разумеется, красоты Златы улочки Машу не волновали. Она зависла в самом ее начале, возле косметического магазина. Замечательно, никто мешать не станет. А так бы сделала пару фотографий и утянула прочь: фифы, вроде нее, Кафкой не интересуются. О чем я только думала, когда согласилась с ней нянчиться! Видела ведь, общих интересов у нас ноль. Вон, у нее шампунь на пиве, а у меня – разноцветные средневековые домики. Синие, красные, желтые, они заставляли сердце биться чаще. Радуюсь, что времена пленочных аппаратов прошли, места на карте достаточно, я запечатлела каждую деталь. Что-то потом загружу на сток для продажи, что-то пойдет для коллажей: на досуге я баловалась обложками для начинающих авторов.

– А, вот ты где!

Чтоб ты провалилась!

С трудом подавив раздражение, обернулась к Маше, даже

улыбку на лицо нацепила. Сбежать бы! Что-то в Маше было фальшивое, лживое. И это ее поведение... То цепляется как репей, то молчит, даже не взглянет. Ладно, выйдем из замка, как-нибудь отделаюсь. Только вот мои планы вскоре кардинально поменялись.

Все началось с фотографии. Банальной фотографии на фоне тюремной башни. Я попросила Машу снять меня на память. Думала, выйдет очередное фото из серии «я и памятник», но московская фифа удивила.

– Да это можно сразу на выставку! – ахнула я.

И свет, и тень, и ракурс подобраны правильно. И я... Кто эта таинственная незнакомка? Уж точно не Катя Нухопетова. Я на всех снимках получалась одинаково: серенько, невзрачненько.

– Пустое! – отмахнулась Маша. – Если хочешь, я тебе десяток таких фоток сделаю.

Глаза мои загорелись. Конечно, хочу! Кто не мечтает о бесплатной натурной съемке у профессионала! Выходит, мы с Машей коллеги, только почему она сразу не призналась? Наверное, стесняется. Вдруг она тот самый «Фотограф года» и устала от бесконечного внимания.

Последующие фотографии действительно оказались не хуже. Маша ловко ловила удачные ракурсы, передавала эмоции. Чтобы еще больше раскрепостить меня, сделать снимки живыми, она болтала о всякой чепухе. Тут и выяснилось, что Маша такая же любительница фэнтези, как я.

– А ты хотела бы оказаться на страницах книг? – между делом поинтересовалась она. – Ну, чисто гипотетически.

Задумавшись, покачала головой. Хотя... Черт, до чего же соблазнительно – улизнуть от серых будней в сказку. Правильно я отказалась работать в конторе маминой знакомой, ну какой из меня экономист? Пяти лет в институте хватило, чтобы понять, мое призвание – творчество.

– А ты? – в свою очередь спросила я.

Маша рассмеялась и эффектным, явно отрепетированным движением поправила волосы.

– А у меня вся жизнь – сказка!

Взбираясь по булыжным мостовым, мы постепенно удалялись от шумных улиц. Маша продолжала меня снимать, через слово повторяя, как я фотогенична. О себе тоже не забывала, охотно позировала с опавшими листьями в пустынном парке.

Осенью темнеет рано. Только что светило солнце, а вот уже стобашенную Прагу окутали сумерки. Тени стремительно сгущались. Зажигались фонари. Хотела предложить выбраться в город, но спутница куда-то пропала.

– Маша?

Я недоуменно покрутила головой. Еще минуту назад она стояла рядом. Куда только подевалась? Не в воздухе же растворилась! Продолжая звать Машу, вернулась назад, припоминая, возле какого дерева она в последний раз снималась.

– Я тут! – к моему облегчению, наконец отозвалась Маша

и помахала рукой с ближайшей скамейки.

Клянусь, я проверяла, ее здесь не было!

– Вот ногу подвернула! – пожаловалась Маша. – Не поможешь?

Тащить до гостиницы непутевую знакомую категорически не хотелось, но до выхода из парка точно придется. Не бросать же бедняжку в темноте! Последняя чернилами разлилась по аллеям. Как тихо! И не скажешь, что совсем рядом кипит жизнь.

Сердце сковала необъяснимая тревога. Казалось, мигнув, сейчас погаснут фонари, и на нас набросится маньяк с пилой.

– Ай! – вывел меня из ступора вскрик Маши.

Она попробовала встать, но вновь повалилась на скамейку.

– Да как ты ногу-то подвернула?

Отбросив сомнения, я шагнула к Маше. Глупые детские страхи, никого здесь нет! Телефон прекрасно ловит, номера местных экстренных служб я заранее вбила в записную книжку.

– Случайно! – плаксиво поджала губы Маша. – Думала, вот оттуда, – она махнула рукой вправо, – классный кадр сделать, наступила на ветку, нога и поехала. У меня связки слабые, много не надо.

Погуглив нашу локацию, порадовалась, что до Страговской недалеко. Там выйдем к монастырю, то есть к цивилизации. Может, к тому времени нога Маши разойдется. Не

могла она ее серьезно повредить, оступившись с ветки.

– Давай руку, страдальца!

Смирившись с временной ролью носильщика, подставила плечо. Только вместо того, чтобы на него опереться, Маша неожиданно толкнула меня. Не удержав равновесия, я плюхнулась на пятую точку.

– Что за?..

Возмущение застряло в горле, когда окончательно спятывшая знакомая вытащила из поясной сумки склянку наподобие той, что я видела в доме знахаря. Ловко выдернув пробку, Маша выпустила на волю удушающий зеленый газ. Закашлявшись, отчаянно хватая воздух ртом, я наугад поползла прочь. Куда угодно, только подальше от этой сумасшедшей! Что она задумала, ограбить меня? Ну да, фотоаппарат дорогой... Но зачем разыгрывать комедию, если можно незаметно умыкнуть сумку в кафе, пока я хожу в туалет?

– Счастливо оставаться! – словно сквозь вату донесся до меня смех Маши.

В следующий миг я провалилась в темноту.

Не знаю, сколько прошло времени, сколько я провалялась без движения. Руки затекли, голова раскалывалась словно с похмелья. Во рту стоял металлический привкус. Осторожно приоткрыв глаза, убедилась, Маша ушла, но перед этим оттащила меня в кусты. Правильно, чтобы не сразу нашли.

Дрожащими руками уперлась в рыхлую землю и кое-как села.

Как же голова болит! Если не выпью аспирина, точно умру.

Темно как в глотке дьявола, ни огонька. Эта сумасшедшая фонари разбила? А еще, не иначе из-за нездоровья, парк казался мне гуще, превратился в самый настоящий лес.

Ладно, пора выбираться и по горячим следам написать заявление в полицию. Вот уж не думала, что первая заграничная поездка закончится столь плачевно!

Что-то тяжелое оттягивало локоть. Сумка с фотоаппаратом! Почему Маша его не взяла, без него преступление теряло всякий смысл.

– Она опасна для общества! Таких надо изолировать! – пробурчала я и потянулась проверить, на месте ли телефон, деньги, документы.

Меня прошиб холодный пот. Я шарила рукой по земле снова и снова, хлопала себя по бедрам в глупой надежде, что переложила кошелек в карман джинсов. Ничего! Воровку не интересовал фотоаппарат, она лишила меня средств к существованию и возможности вернуться на родину.

В приступе отчаянья я со всей силы ударила кулаком по земле. Дура! Она ведь сразу тебе не понравилась, но ты проигнорировала интуицию, поддалась стадному чувству. Омар Хайям не зря писал: лучше быть одному, чем с кем попало. Пусть он имел в виду брак, я бы распространила это правило на все сферы жизни.

Ладно, хватит сетовать на судьбу. Если не желаю вдобавок

простыть, пора выбираться. В гостинице меня помнят, позволят позвонить, а там уж... Что «там уж» я пока не решила, потом придумаю.

Подхватив сумку с фотоаппаратом, наугад побрела к выходу. Странно, иду, иду, а никак на дорожку не выберусь. И местность, вроде, другая. Сад Кинских на холме Петершин, а тут равнина, только кочки изредка попадаются. И парк запущенный, деревья и кусты растут как попало. Ладно, если даже напутала с направлением, рано или поздно выберусь.

И я выбралась...

В недоумении уставилась на темневшие в поле стога. Ни дорог, ни машин, ни домов.

– Эй! – неуверенно позвала я, надеясь, что странный пейзаж – последствия действия газа.

Голова до сих пор напоминала барабан, язык вялой устрицей ворочался во рту. Жутко хотелось пить. Наверное, я бы за один присест выдула целый литр.

Нет, бред какой-то, точно бред! Откуда в центре Праги пшеница? И куда подевалась река?

– Эй, есть здесь кто-нибудь! – в отчаянье закричала я, даже руками помахала.

За спиной хрустнула ветка. Обернувшись, я очутилась нос к носу с двумя плечистыми мужчинами бандитского вида. Воняло от них соответствующе – куревом, перегаром и потом. Не желая ко всем бедам расстаться с фотоаппаратом, а, может, и с жизнью, попятилась. Мужчины ослабли, за-

гоготали. Никак не могла понять, что меня в них смущало. Кроме запаха и намерений, разумеется. Столь удачно выглянувшая луна подсказала ответ. Грабители походили на актеров провинциального театра, задумавших поставить «Робин Гуда»: те же нелепые рубахи, мешковатые штаны, куртки на шнуровке. Только вот оружие в руке одного из них настоящее. Не нож, а целый тесак!

Заголосив дурным голосом, сделала первое, что пришло в голову, – наклонившись, метнула в глаза ближнего нападавшего горсть земли. Попала! В ответ посыпались ругательства на незнакомом языке. Вслушиваться по понятным причинам я не стала. Воспользовавшись тем, что второй бандит временно впал в ступор, дала стрелкача.

Никогда прежде я так быстро не бежала! Хлопавшая по спине сумка с фотоаппаратом подстегивала, словно кнут лошадь. Я боялась обернуться, проверить, далеко ли преследователи. Хвала изобретателям кроссовок, без них мой забег закончился бы очень быстро. Как же хорошо, что я каждый вечер перед сном нарезала круги в парке возле дома! Будто знала, что однажды пригодится.

Я держалась до последнего, рухнула на прокисшую солому только тогда, когда резь в боках стала нестерпимой. Шумное дыхание разрывало грудь. Да меня за десятки километров слышно! Оставалось уповать на то, что преследователи отстали. Деваться мне все равно некуда, максимум пару метров еще проползу, поэтому перевернулась на спину и дове-

рилась судьбе.

Какое же над головой небо! Почему я раньше его не замечала? Хотя в городе оно другое, подсвеченное электричеством, с мигающими огоньками вышек, спутников и самолетов. А тут звезды. Много влажно мигающих звезд, напоминающих рассыпанные по темно-синему бархату бриллианты.

Интересно, сколько времени прошло?

Я угодила в лужу, поэтому куртка, часть футболки и джинсы промокли, от каждого дуновения ветерка по коже пробегал холодок. Зато сердцебиение пришло в норму, бока больше не ходили ходуном.

Неужели оторвалась? Не веря собственному счастью, рискнула сесть и напряженно прислушалась. Ни единого звука, только шуршит неподалеку мышка-полевка. Заметила меня, заводила носиком, уставилась глазами-бусинками. Она на меня, я – на нее. Мышка убежала, а я осталась. Выждав для верности еще немного, поднялась и, перебежками от одной вязанки снопов до другой, продолжила путь в неизвестность.

Странное ощущение – словно кроме тебя нет никого на свете. Но кто-то ведь собрал и посеял хлеб. Не инопланетяне же!

Под ложечкой засосало, напоминая о том, что я не ужинала. Стоило подумать о еде, как ветерок донес запах дыма. Где огонь, там и жилье. Так, по запаху, я и выбралась к реке. За ней раскинулась небольшая деревушка, домов пятна-

дцать, не больше. Попасть туда можно было бы по шаткому, не внушавшему доверия деревянному мостику. Но выбора нет, пришлось опробовать сомнительную конструкцию на прочность. Бочком, стараясь не смотреть вниз, я кое-как перебралась через реку. В нос ударил ядреный запах навоза. Глянув под ноги, убедилась, что угодила в «засаду». Кое-как вытерев ногу о придорожную траву – хороша Европа, колдобина на колдобине! – я направилась к ближайшему дому с твердым намерением узнать, куда угодила. По первым ощущениям Средневековье какое-то! Словно я вновь очутилась на Златой улочке, только в ее первозданном виде, без ежегодного косметического ремонта. И не в центре Праги, а тьмутаракани, хотя даже там стеклили окна, а не затыкали их непонятно чем. Ни нормального фундамента, ни кирпича – в странной деревне признавали только глину. Ей щедро вымазали сруб, законопатили щели мхом, да так и бросили. От времени все осыпалось, ветшало, вращало в землю. Но ладно внешний вид, я не понимала, как можно жить в таких крошечных домиках. Они немногим больше жилища аптекаря, которое я разглядывала днем. К каждому пристроено нечто вроде сарая.

– Эй! – побродив немного под слепыми окнами, я постучала в дверь. – Откройте, пожалуйста! Мне нужно...

Договорить не успела. В спину уткнулось что-то острое, и низкий хриплый голос потребовал:

– Сартра бы мых!

Осталось только понять, чего от меня хотели. Переспросила на английском, добавив, что не преступный элемент, а всего лишь заблудившаяся туристка, но в ответ получила тычок и всю ту же тарабарщину.

– Ми вы хара тове, – эмоционально встрял в диалог второй мужчина, подоспевший из соседнего дома.

Между соседями завязался жаркий спор. Наверняка решали, как со мной поступить. Проще, конечно, вызвать полицию. Провести ночь в участке – сомнительное удовольствие, но все лучше, чем на улице. Когда парочка замолчала и обернулась ко мне, я приветливо улыбнулась. Как выяснилось, напрасно. Вместо того, чтобы сдать стражам порядка, на голову накинули мешок и куда-то потащили. Разумеется, я сопротивлялась, но куда там! С тем же успехом я могла молотить по мебели. Пару раз дав тумака для остротки, меня швырнули в помещение с затхлым, кислым воздухом и самым наглым образом заперли.

Глава 2

Утро ворвалось в мою жизнь головной болью.

Заворочавшись, долго не могла понять, почему так жестко и когда я успела напиться. Это ведь похмелье, верно? Наверное, та девушка... Маша затащила меня в местный ночной клуб, отсюда и последствия. А жестко, потому что до кровати я не дошла, заснула на полу.

Какой же странный сон мне приснился! Будто вместо холма Петершин я оказалась в лесу, долго бежала от ряженных бандитов, очутилась в этнической деревне пятнадцатого века... Ну и бурное у меня воображение! Оно и понятно, после увлечения Средневековьем в детстве, когда я всерьез подумывала после школы поступать на исторический (спасибо, отговорили), и не такое привидится!

Кое-как разлепила глаза и снова их закрыла.

Так, это сон, это точно сон!

Однако реальность упорно не желала меняться. Голова по-прежнему ныла. Вдобавок на затылке вздулась шишка. Ноги и руки затекли, перед глазами – какая-то грубая ткань. Свет и воздух проникали через прорехи в сомнительном шлеме, который водрузили мне на голову. А если бы я задохнулась?!

Воспоминания медленно возвращались, выстраивались в неутешительную картину. Меня похитили, связали и с меш-

ком на голове кинули неведомо куда. Отопления здесь не предусмотрели, за ночь я успела продрогнуть. Поневоле порадуешься, что отправилась в Прагу не в том же октябре, тогда и вовсе рисковала бы замерзнуть насмерть.

Куртка на боку задралась, футболка тоже, кожу неприятно холодил сквозняк.

Заерзав, попыталась избавиться от мешка на голове – это казалось первостепенной задачей. Невозможно разработать план действий, если ничего не видишь. Мне повезло – похитители не завязали мешок, и спустя пару минут отчаянных брыканий я вдохнула полной грудью.

Сарай. Самый обыкновенный сарай. Пол земляной, стены бревенчатые, необшитые. На устройство крыши тоже трагиться не стали, покрыли ее соломой и ветками. Внутри – разные мешки, конская сбруя. Меня бросили в углу, рядом с непонятным загончиком. Судя по запаху, прежде там держали животных. Представляю, как тут воняло прежде!

Извиваясь по-змеиному, доползла до стены и, используя ее как опору, села. Так-то лучше!

Передо мной встал воистину гамлетовский вопрос: звать на помощь или нет? Чье внимание я привлеку: спасителей или похитителей? Где те бандиты, которые гнались за мной по полю? Чем дольше думала, тем больше убеждалась, Маша и та парочка из леса работали сообща, торговали живым товаром. Если бы я не сбежала, оказалась бы в каком-нибудь подпольном борделе. Хотя мне всегда казалось, в подоб-

ных местах в цене совсем другие девушки. Во-первых, юные. Во-вторых, эффектные. В-третьих, с «буферами» и пышной пятой точкой. Я не подходила ни по одному пункту, могла похвастаться только размером одежды. Но он дался мне не с помощью диеты или жестких физических нагрузок, а достался от природы, точнее, от мамы. Она всю жизнь была тоненькой, осталась такой даже после родов. Я пошла в нее во всем, кроме размера груди и цвета волос. Невысокая, по современным стандартам малипуська в сто шестьдесят два сантиметра, лишь с намеком на женские прелести, сероглазая, с каштановыми волосами. И кондиции мои уже не изменятся – пубертатный период закончился, впереди только старость. Словом, я решительно не годилась для порно-чатов, однако меня все равно похитили.

Состояние живого товара неизвестных не волновало: ни миски с водой, ни корки черствого хлеба, ни намека на удобства. Между тем желудок и мочевой пузырь сообщали уделить им внимание. С одной из задач я кое-как справилась. Пусть не жалуется на дурное воспитание, сами виноваты. А вот с едой ничего поделаться не могла. Я уже пришла к выводу, что злодеи планировали продать меня на органы, когда дверь сарая наконец скрипнула. Живо обернувшись на звук, только и смогла вымолвить многозначительное: «Эээ?»

То ли меня накачали наркотиками, то ли я угодила в секту старообрядцев. Толпившиеся у входа мужчины не признавали благ цивилизации, понятия не имели о гигиене и

элементарной расческе. Половина из них и бритву в глаза не видела, обросла так, что Дед Мороз позавидует. Страшно представить, сколько живности водилось у них в волосах. Бэ! Грязные руки, обкусанные не менее грязные ногти, рубахи со шнуровкой у горла, мешковатые штаны и архаичная обувь на ногах. Не лапти и не сапоги, какие-то деревянные заготовки ботинок с задраным носом, походившие на голландские кломпы.

Увлеченная внешним видом визитеров, я не сразу обратила внимание на предметы в их руках. Они наводили на мысли о партизанской войне: вилы, остроги, колья, один даже топор принес. Спрашивается, зачем. Еще больше недоумения вызывал написанный на лицах у мужчин страх. Они смотрели на меня как на льва или тигра, толкаясь локтями в узком проеме, не решались приблизиться.

– Эй, может, кто-нибудь меня развяжет? – показав руки, раздраженно буркнула я.

На голодный желудок, знаете ли, не до вежливости. Вдобавок все болит, затекло, того и гляди конечностей лишусь.

Мужчины в ужасе отпрянули на улицу. «Анух, анух!» – пронеслось по толпе. Замечательно, они еще и не чехи. Чешский язык немного похож на русский, а тут какое-то карканье. Ладно, перейдем на английский. Я честно учила его десять лет, но с иностранцами прежде не общалась, поэтому не могла поручиться, что не превращу условный «привет» в «соусницу».

– Hey, guys! Will you untie and feed the girl? I will not run away, honestly.¹

Бурление в мужских рядах лишь усилилось. Похоже, английского они тоже не знали. Или же испытывали жгучую неприязнь к янки и бабушке Лиз. Плохо дело! В какую же глухомань меня занесло? Причем, моно-гендерную, потому как ни одной женщины в радиусе ста метров не наблюдалось. Монастырь? Вряд ли, если только не ультра-сектантской направленности.

Но вот среди местных нашелся смельчак. Выставив вперед кол, словно такое субтильное существо, как я, да еще связанное по рукам и ногам, могло причинить ему вред, он с многообещающим гневным: «Дире анух!» пару раз ткнул меня под ребра. Больно между прочим! Пробовала возмутиться, но стало еще хуже. О правах человека в этом селеении не подозревали, зато практиковали культ грубой силы. Проще говоря, меня ухватили за шиворот и под гогот толпы приложил об стену. Будто этого мало, еще и пнули. После безмерно гордый собой мужик ухватил меня за волосы и выволок на улицу. Шипя от боли, я пыталась вырваться, затормозить движение, но куда там!

На глаза навернулись слезы. Что им от меня нужно, за что они так со мной?!

Яркий дневной свет ударил в глаза, осветив то, что я мель-

¹ (англ.) Привет, парни! Не развяжете и не покормите девушку? Я не сбегу, честно.

ком видела ночью. Только вот смотреть на все приходилось снизу, сквозь просветы между чужих ног.

Вошедшая в раж толпа что-то яростно скандировала, свистела. Примечательно, вокруг опять одни мужчины. Хотя нет, вон там мелькнула и исчезла серая юбка.

– Эй, помогите! Please, help! – со всей мочи завопила я и тут же получила с размаху в живот.

Захлебнувшись криком, разрыдалась. Не только от боли, но и от страха, унижения. Меня никогда пальцем не трогали, даже в детстве ремнем не наказывали, а тут... Что это за мужчины такие, для которых нормально избивать связанную женщину?

На время оставив меня в покое, изуверы собрались в кружок, о чем-то совещаясь. Я же, свернувшись калачиком, подвывала посреди деревенской улицы.

Самое гадкое даже не то, что над тобой издеваются, а то, что ты не можешь понять, чем заслужила подобное обращение. Даже домашние тираны придумывали объяснения своим поступкам. Мол, довела, не так посуду помыла, не те тапочки подала. А тут... Я впервые их вижу, ничего не трогала, всего лишь забрела ночью в деревню. Или это закрытый военный объект, уединенная религиозная община, некое святилище? Так выставите меня вон, зачем избивать?

Но, как выяснилось, это были только цветочки, ягодки ждали впереди.

Приняв решение, мужчины снова столпились вокруг

жертвы. Один из них ловко закинул меня на плечо и куда-то понес. Остальные, потрясая вилами и топорами, словно первобытное племя в ритуальном танце, двинулись следом.

Меня притащили к реке, где уже ждал энтузиаст с мешком и увесистым камнем. Только вот перед тем, как отправить в путешествие в лучших традициях «Великолепного века», со мной собиралась вдоволь развлечься. Это как в черном анекдоте про красивую ведьму – мол, не пропадать же добру.

Не удосужившись развязать ноги, двое крепких мужиков насильно поставили меня на четвереньки. Затрещала ткань джинсов. Из последних сил отбиваясь, уже не надеясь на милость судьбы, заголосила белугой. И ведь судьба услышала!

– Бредо! – остановил насильника властный окрик.

Спустя томительные мгновения ожидания меня отпустили, и, зареванная, я плашмя рухнула на землю. Плевать, что едва не расквасила нос, что пришлось откашливаться от попавшей в рот травы, зато целая и невредимая.

Пока я пыталась перевернуться, между незнакомцем и местным населением завязалась короткая перепалка. Судя по всему, победил обладатель зычного голоса. Перерезав путы, меня подняли на ноги и повязали куртку на манер юбки, прикрыв сползшие джинсы. К счастью, трусы остались целы, спасатели подоспели вовремя.

Шипя от боли, плохо слушающимися пальцами ощупала себя. Повезло, отделалась малой кровью. Одного взгляда на любителей дармового секса хватило, чтобы понять, они без

зазрения совести покалечили бы. У, зверские рожи! Хотя мои спасители немногим лучше. Из рук обезумевшей толпы меня вырвал вооруженный отряд, сошедший с иллюстраций подростковых книг. Поблескивали на солнце кольчуги и наконечники копий. Тело защищали кожаные доспехи. Лица у всех суровые, часто в шрамах. У одного и вовсе глаза нет.

Внимательно смотревший на меня мужчина, наверное, командир. От остальных его отличали более дорогие доспехи, меч на узорчатой перевязи и медальон с вытравленной на крышке волчьей головой. Незнакомец ожидаемо задал вопрос на тарабарском языке. В ответ лишь пожала плечами и развела руками. Рада бы ответить, но без переводчика не могу.

– Ну карт ди! – ткнул в меня пальцем командир.

Местные жители недовольно заголосили, но стоило солдатам направить на них копья, сразу притихли, согласились. Хотя бы власть здесь уважали, это хорошо.

Невольно поймала себя на мысли, что происходящее походило на фэнтези. Если допустить, что я перенеслась в другой мир, все вставало на свои места. Только вот в книгах события развивались несколько иначе, во всяком случае, никто не убивал и не насиловал на первых страницах. Это полагалось сделать импозантному злодею, а то и будущему главному герою не раньше третьей главы и то только на словах. В действительности, восплав к попаданке неземной страстью, он проводил с ней ночь любви ко всеобщему удоволь-

ствию и уж точно не звал в спальню толпу потных товарищей. Далее герою полагалось, пройдя ряд испытаний, жить с героиней долго и счастливо, а, не оправив штаны, дать ей еще разок под ребра и утопить.

Размышляла о неправильности бытия я уже в положении лежа, но не на земле, а в движении, поперек седла. И ладно бы только это, хотя от неудобной позы вниз головой и бесконечной тряски тошнило, – мои руки привязали к высокой луке седла. Впрочем, все познается в сравнении. Нынешнее положение однозначно лучше прежнего. Если бы еще не кляп во рту, вообще чудесно.

Перед глазами мелькали земля, былинки, камушки и так по кругу. Временами попадались лужи. Разумеется, осаждать коня никто не собирался, и вскоре я мало чем отличалась от населявших недружелюбную деревню оборванцев.

В книгах обо мне позаботился бы командир, в реальности он поручил пленницу одному из солдат. Я не жаловалась, потому как на романтические отношения не рассчитывала.

Скорей бы мы доехали! Еще час такой тряски, и я отправлюсь на тот свет.

Словно услышав мои мольбы, отряд сбавил темп. И, о радость, мне придали вертикальное положение! Вот оно, блаженство!

Мы остановились возле ворот средневекового города. Все, как положено: высокие оборонительные стены, защитные башни с дозорными, даже острый шпиль собора имелся. Он

сужающейся к концу иглой пронзал затянутые легкими облачками небеса. С погодой мне тоже повезло, холодновато для футболки, но не настолько, чтобы зубами клацать.

От нашего отряда отделился солдат, подъехал к вышедшим навстречу дозорным. Между ними состоялся короткий диалог, и ворота со скрипом отворились. Только вот в город мне отчего-то не хотелось. При виде нависшей над головой решетки с острыми зубьями смутная тревога только усилилась.

Так, Катя, спокойно! Город – всегда центр образования, а еще тут живут по закону, а не велению правой пятки. Только вдруг по местному кодексу полагалось казнить всех попаданок? Сплюнь, конечно!

Хм, ворота закрыли, а дверцу в них оставили нараспашку, заходи спокойно. Выходит, особый интерес вызывали только всадники.

Копыта цокали по булыжной мостовой, словно выложенной гастарбайтерами двадцать первого века – криво и волнами. Представляю, каково ехать по такой в карете, язык откусишь.

Город строили безо всякого плана, улочки хаотично разбегались от ворот, сливались и изгибались под всеми мыслимыми и немыслимыми углами. Узенькие, иные настолько, что двум всадникам не разминуться. Над головой покачивалось белье, сплошь линялое, поношенное. Дома жались друг к другу, практически у всех вторые этажи нависали над пер-

выми, чуть ли не смыкались с жилищами напротив. Стиль – немецкий романтизм, то есть фахверк обыкновенный. Попадались экземпляры в одно окно или дверь на этаж. Видимо, земля стоила дорого, приходилось выкручиваться.

Из самых бедных районов, где пешеходы соседствовали со сточными канавами, мы переместились в кварталы для среднего класса. Дворцов здесь по-прежнему не наблюдалось, зато не пахло мочой и тухлой рыбой. Улицы чуть раздвинулись, дома стали шире, без жутких навесов на подпорках. Возле одного такого, совершенно непримечательного, на мой взгляд, мы остановились. Помогать даме, то есть мне никто не собирался, пришлось сползать самостоятельно. Сделала я это недостаточно быстро, о чем не преминул напомнить на своем тарабарском наречии солдат. Отвязав от седла, он взял меня на своеобразный поводок и поволок вслед за командиром на крыльцо.

Хм, а дом не так прост! На двери – кованый знак в виде перекрещенного меча и посоха, массивное медное кольцо вместо ручки. Командир пару раз постучал им по доскам, затем добавил еще кулаком. За дверью слышались торопливые шаги, и на пороге возникла женщина средних лет, одетая в серое платье в пол. На голове – чепец с кружевной оборкой. Он надежно скрывал волосы незнакомки, придавая ей сходство с монашкой.

Командир показал медальон и, обернувшись, ткнул в меня пальцем, сопроводив жест коротким вопросом. Женщина

кивнула и посторонилась, пропуская гостей.

Как же тесно! В крохотной прихожей толком не развернуться, словно в транспорте в час пик. Из-за голов солдат ничего не видно, да и не позволяли мне без толку глазеть. Смирившись с участью статиста, привалилась к стене и прикрыла глаза. Желудок ворчливо бурчал. Терпи, еды тебе не полагается. Кровати тоже, учись спать стоя.

Щелчок пальцев возле уха вернул меня к реальности. Не дождавшись реакции, солдат дернул за веревку, и, с трудом перебирая ногами, я поплелась по скрипучей лестнице наверх, навстречу своей судьбе.

Глава 3

Наверное, в тот день я перевыполнила годовой план по синякам. С людьми в этом странном мире не церемонились. Меня постоянно пинали, толкали, шпыняли и применяли прочие силовые методы воздействия. Поневоле вспомнились истории об угрюмых стражах порядка, с разной степенью периодичности появлявшиеся в Сети. Но куда им до местных!

У лестницы двадцать пять ступенек. Я запомнила каждую, прочувствовала каждой клеточкой тела. Еще бы, ведь я трижды упала, еще несколько раз споткнулась.

Лестница оказалась винтовой, к концу у меня закружилась голова. Наверное, поэтому я в очередной раз не удержалась на ногах и со всего размаху рухнула под ноги... Собственно, кому? Осмотр я начала снизу, постепенно продвигаясь к лицу, поэтому первыми увидела сапоги. Добротные такие, начищенные, пусть и не новые. По форме они напоминали резиновые, только из кожи и небольшим каблучком. Размер однозначно намекал, сапоги мужские. Далее следовали штаны непонятного линялого цвета, в свое время то ли коричневые, то ли оливковые и рубашка на тон темнее крайне странного кроя. Приглядевшись внимательнее, поняла, что это верхняя одежда, причем сшитая из двух частей: глухого жилета с краями-хвостами и пристяжных рукавов. Жилет по пройме и вытачкам был украшен золотым кантом. Из-

под воротника-стойки выглядывала белая рубашка. Она же мелькала в прорезях крепления рукавов. Выше воротника, само собой, обнаружилась голова. Герой моего фантастического и пока не романтического романа оказался широкоплеч и безумно далек от аристократической бледности и точеных черт лица. Квадратный подбородок и низкий лоб однозначно намекали на сложность характера. Нос крючком и глубоко посаженные серые глаза лишь усиливали первоначальное неприятное впечатление. Никаких длинных волос цвета воронового крыла, небрежно перехваченных лентой. Короткие каштановые вихры незнакомца ерошились в разные стороны и, казалось, никогда не знали расчески. С возрастом тоже засада, но то, что передо мной не юный красавец, понятно сразу. Хотя в Средневековье рано старели.

Застонав, потеряла висок связанными руками.

Какое Средневековье, не хочу я ни в какое Средневековье! Сейчас ущипну себя и проснусь.

– Суре? – склонив голову набок, обратился владелец квадратного подбородка к командиру отряду.

Слов я не понимала, но интонация намекала, шумное вторжение мужчине не понравилось. И верно, он даже кулаки сжал и грозно так добавил:

– Мантре сир онель. Дер вег!

Однако офицер попался упертый, вступил с владельцем дома в активную перепалку. Обо мне временно забыли. Вот бы и вовсе оставили в покое! Эх, мечты, мечты!..

Выпустив пар, парочка пришла к консенсусу. Меня затолкали в душную комнату, наполненную всякой всячиной. Тут во мне проснулся любитель старины. Позабыв о синяках и натиравшей коже веревке, я с восторгом рассматривала многочисленные баночки и колбы на полках. Ой, а там, на секретере астролябия! И сколько же здесь книг! Они стопками лежали на полу, толкались на открытых полках. Пара томов даже примостилась на шкафу по соседству с сосудом затейливой формы. Вроде, в таком раньше хранили масло. Не коровье, а растительное, какое у кого найдется. Настоящий фэнтезийный кабинет волшебника! И вид соответствующий – на крыши, чей-то кусочек сада и две симметричные башни, судя по всему, местный собор. И ведь как строители подгадали! Окно выходило аккурат на просвет между домами. Вдобавок дальше улочка шла под уклон, добавляя живописности виду.

Из состояния восторга, близкого к катарсису (или нервного помешательства, что, учитывая обстоятельства, гораздо ближе к истине), меня вывело прикосновение. Съездившись, обернулась, ожидая очередного окрика, тычка или подзатыльника, но сероглазый просто смотрел, пристально, практически не мигая.

– Се рве ниен? – словно гипнотизируя, спросил он.

Виновато пожала плечами. Хотела бы понять, но не могу.

– Райне! – Хозяин указал за массивный стул с высокой спинкой.

Ага, кажется, он просит сесть.

Возражений со стороны офицера не последовало, и я медленно, бочком приблизилась к стулу. Сероглазый оказался столь любезен, что отодвинул его. Он ловко выдернул у солдата край моего поводка и выставил из кабинета посторонних. Остаться разрешили только командиру. Далее владелец кабинета приступил к чрезвычайно странному допросу. Сероглазый начал с того, что привязал меня к ножке стола. С тем же успехом он мог приковать меня к стене: мебель в кабинете была массивная, стол и вовсе по ощущениям весил центнер, не меньше. Еще бы – цельное дерево, толстые ножки, филенка, не шедшая в сравнения с теми, которые делали в наше время. А еще ящики, целых четыре. Словом, владелец дома полностью себя обезопасил, при всем желании я бы не сбежала. Офицер тоже так полагал, раз вольготно, закинув ногу на ногу, устроился на табурете возле шкафа. Он потянулся было к набору разноцветный шариков на полке, но одного взгляда хозяина хватило, чтобы гость превратился в примерного школьника.

Дальше начался тот самый допрос.

Сероглазый зажег красную толстую свечу и поднес ее к моему лицу. Мало ли зачем? Меньше всего на свете я ожидала, что он капнет мне воском на шею, и закричала благим матом, попыталась сбежать от садиста. Бесполезно. Меня силой вернули обратно. Подскочивший офицер прижал мои руки к столу, а палач с квадратной челюстью едва не

превратил мои ладони в один сплошной ожог.

От боли на глаза выступили слезы. Да что за мир такой? Лучше бы в реке утопили, раз вокруг одни сумасшедшие.

Покончив со свечой, сероглазый занялся моим лицом. Пальцы сомнительной чистоты оттягивали веки, проверяли зрачок, пересчитывал зубы. Закончив, хозяин брезгливо вытер руки прямо об одежду и плюхнулся в кресло с лоснившейся кожаной спинкой.

– Не-а, – качнул головой он, обращаясь к офицеру.

Судя по тому, как скисла физиономия последнего, «не-а» означало «нет», как и в нашем мире.

Однако офицер не собирался сдаваться.

– Тринке!

Чуть ли не брызгая слюной, он ткнул в меня пальцем.

Сероглазый тяжело вздохнул и отодвинул верхний ящик стола. В глаза бросились массивные перстни с камнями странной огранки. Хозяин многозначительно постучал по столу.

Офицер неохотно потянулся к поясу, отвязал мешочек, на поверку оказавшийся кошельком, и кинул в ящик десяток кривобоких монет. Кажется, серебряных, но я могла ошибаться. Владелец кабинета удовлетворенно кивнул и задвинул ящик. Ну да, я бы тоже не стала работать бесплатно, хотя многие клиенты этого очень хотели. Мол, ну что вам стоит, это же хобби, вы удовольствие от съемки получаете. Да и за что тут платить – пару раз кнопочку нажать, а потом «Фото-

шоп» все сам делает. Дел на час от силы! А мы взамен отзыв хороший напишем, друзьям посоветуем. Вот и сероглазого работа за «спасибо» и «что, тебе жалко?» не устраивала, хотя, судя по разным мелочам в поведении, с офицером он знаком, то есть в теории мог по дружбе сделать бесплатно.

Из того же ящика, куда он убрал деньги, хозяин достал узкий кинжал с богатого украшенной рукоятью. Сомневаюсь, будто те красные и зеленые камушки – стекляшки. Тогда что? Рубины, изумруды?

Такого подарка судьбы я точно не ожидала – владелец дома разрезал пути. А вот дальнейшее заставило вновь усомниться в его адекватности. Стиснув мою руку, он наискось полоснул кинжалом мою ладонь и лизнул выступившую кровь. Напрасно я возмущалась, взывала к здравому смыслу, брыкалась – сероглазый будто не замечал моего сопротивления. До чего же он сильный! И руки мозолистые, где обещанные тонкие, нежные пальцы аристократа? Ну, Маша, вот доберусь до тебя! В какую неправильную сказку ты меня засунула?

В итоге я смирилась, просто поскуливала, наблюдая за тем, как сероглазый водил моей ладонью над пламенем, мазал в крови какие-то трубки и стеклышки.

Наконец сероглазый оставил меня в покое. И ведь даже платка не дал! Склонился над стекляшками, хоть кровью истеки! Офицеру тоже было плевать на мое здоровье. Он подался вперед, с блеском в глазах наблюдал за тем, как владе-

лец кабинета капал на стекла с моей кровью различные реактивы, нагревал их над самодельной спиртовкой. Кое-как перевязав руку, я тоже заинтересовалась происходящим. Если на то пошло, кровь моя, и мне в первую очередь обязаны все объяснить. Разумеется, делать этого никто не собирался.

Кровь шипела, меняла цвет, из жидкости превращалась в какой-то бактериальный суп – и все под немногословные комментарии сероглазого. Последние явно не устраивали офицера, но задавать уточняющие вопросы он побаивался.

Все закончилось быстро и непонятно. Только сероглазый стоял, склонившись над микроскопом, а вот уже выпрямился и погасил спиртовку. Хмурый офицер направился к двери, бросив через плечо непонятное слово, то ли прощание, то ли проклятие.

А я? Пойдите, а что же со мной?

Покосилась на пропитавшуюся кровью самодельную повязку, затем на спину неспешно собиравшего инструменты сероглазого. Оставалась слабая надежда, что он все объяснит, только... Кого ты обманываешь, Катя, с вашим языковым барьером вы общаетесь на уровне глухонемого со слепым! Но ведь как-то объясняться надо. Некогда я слышала, что, полностью погрузившись в чужую языковую среду, быстро учишься, но это явно не мой случай. Автор теории явно имел в виду доброжелательных иностранцев, мир с Гугл-переводчиком, телевидением, интернетом и ценниками в магазинах, а не аналог какого-нибудь пятнадцатого-шест-

надцатого века.

Думай, Катя, думай! Сейчас он закончит и выставит тебя вон. А на улице тебе не рады. Синяки тоже общественной любви не добавят. Вспомни, как радовались крестьяне возможности бесплатно развлечься и утопить иномирянку! В том, что я не в Чехии и даже не в племени тумба-юмба на планете Земля, я теперь не сомневалась. В прошлое тоже не перенеслась: местный язык на латынь не походил. Да он вообще ни на что не похож!

М-да, под окнами тут лучше не ходить. В доме напротив стукнула рама, и женщина выплеснула на улицу таз с водой. Судя по воплям, в кого-то попала.

Но не о том думаю, не о том!

Время стремительно утекало сквозь пальцы. Решение пришло в самую последнюю минуту, когда сероглазый недвусмысленно указал мне на дверь. Вместо того, чтобы откланяться, я совершила святотатство: вытащила из-под пресса лист серой шероховатой и наверняка безумно дорогой бумаги и коряво, схематично нарисовала на нем угольком женщину. Ниже печатными буквами подписала: «Катя». Рядом быстро набросала мужскую фигуру и поставила знак вопроса.

Сердце мячиком колотилось о ребра.

Лишь бы сероглазый не рассердился, лишь бы не расчленил на опыты за порчу дорогого имущества! Лишь бы знаки препинания в разных мирах совпадали!

– Катя! – Ткнула себе в грудь, потом в изображении на рисунке. – А ты?

Понимаю, к собеседнику лучше на «вы», ведь мы не друзья и вряд ли ими станем, но от волнения выпалила первое, что пришло в голову.

Черт! Сероглазый действительно осерчал, насупил брови и двинулся на меня, словно очередной тайфун на Новый Орлеан. Господи, ну и глупое сравнение! Тебя сейчас ударят, а ты о последних сводках новостей вспоминаешь.

Замерла, втянула голову в плечи.

Порезанная ладонь пульсировала болью, синяки и ушибы, будто сговорившись, одновременно заныли.

– Та бането?

Судя по интонации, это вопрос. И «та» – это «ты». Прекрасно, одно слово я уже выучила. Второй приятный момент – бить меня явно не собирались. Сероглазый хотел, но раздумал.

На всякий случай активно закивала, хотя толком не поняла, чего от меня хотели, и, осмелев, вновь потянулась к листу бумаги. Его все равно повторно не используешь, только выбросить. Сейчас проверим, с толком или без мама пять лет таскала меня в художественную школу.

К счастью, сероглазый порезал мне левую руку, поэтому я без труда набросала портрет девушки в футболке, то есть себя. Ну, как портрет – получившаяся девица лишь отдаленно напоминала меня. Вдобавок уголь крошился, не позволял

проработать детали, а взять перо я побаивалась. Не только из-за гнева исподлобья наблюдавшего за мной сероглазого. Пером надо уметь пользоваться, знать, как его очинить, десятки других мелочей. Мое же знакомство с ним закончилось каракулей в паспорте, сделанной железным стержнем в отделении полиции.

– Катя.

Снова ткнула пальцем в рисованную девушку и вопросительно подняла брови.

Ох, тяжелый случай!

Сероглазый сгреб мой рисунок и уставился на него как на восьмое чудо света. Губы его бесшумно шевелились, на лице отразилась активная работа мысли.

– Аксель.

Я часто заморгала, пытаюсь понять, причем тут название одного из прыжков, и только потом сообразила: так зовут сероглазого. Убедившись, что я правильно поняла, он важно добавил:

– Тер Аксель Ульв.

Он еще что-то присовокупил, но я не разобрала. Бедная моя голова пухла от обилия информации и от нереальности ситуации, в которую я угодила.

Желудок громко заурчал. Нет, ну а что вы хотите, в последний раз я ела... вчера.

Уж не знаю, что вдруг переменилось, но Аксель надумал меня накормить. А ведь пять минут назад планировал вы-

ставить из дома.

Думала ли я в подростковом возрасте, глотая романы Вальтера Скотта, что когда-нибудь стану участницей самой настоящей средневековой трапезы? Правда, единоличной, потому как Аксель просто сидел рядом и пристально наблюдал, пока открывшая нам дверь женщина в чепце, очевидно, служанка накрывала на стол прямо в кабинете. Мне на выбор предложили четверть головки сыра, свежайший, еще горячий серый каравай и два яблока. Запивать все это предстояло сидром, настолько кислым, что с непривычки у меня едва глаза не вылезли из орбит. Может, особа в чепце постаралась? Она принесла все с таким красноречивым выражением лица... Словом, желала мне жить долго и счастливо, но подальше от этого дома. Не иначе, любовница Акселя, решившая, будто я покусилась на ее место. Спасибо, не нужно! Меня земные парни не прельщали, а местные сомнительные красавчики – тем более.

Увы, я рано расслабилась, решила, будто судьба повернулась ко мне лицом. Обед пришлось отрабатывать. Древнейшим способом – с тряпкой в руке. Догадываюсь, мне специально выдали самую старую и тухлую, потому что нормальная ветошь не распадалась бы в руках. Но я не жаловалась, честно вымыла лестницу и коридор – все, во что ткнул пальцем Аксель перед уходом, а потом рухнула рядом с ведром. С непривычки болела спина. Ладонь кровоточила – резь жуткая. И никакого сочувствия! Наблюдавшая за мной служанка

ка только покрикивала, кривила губы и называла «норхой». Вряд ли это комплимент. Но даже если, моя полы, я подхватила все инфекции мира, оно стоило. Вернувшись, Аксель заговорил со мной на ломанном, но все же русском языке. Правда, его слова заставили сильно призадуматься и осознать, в какой переплет я угодила:

– Кто ты такая? По всем признакам ведьма, но кровь говорит другое.

Глава 4

Замерев с тряпкой в руке, уставилась на хмурого Акселя, а он на меня. Рука сероглазого подозрительно сжала что-то под серым плащом с замысловатой пряжкой в виде волчьей головы. Меч? Нож? Что, если нашли мой фотоаппарат? Наверняка нашли, ведь он остался в той деревне. Судя по окружающим меня вещам, даже камеру обскура пока не изобрели, раз так, считают камеру бесовской машиной. Кому она может принадлежать? Правильно, ведьме. А где ведьма, там и костер. Ох, не нравится мне получившийся логический ряд! И прищур Акселя тоже не нравится. Одно неловкое слово – и минус одна Екатерина Нухопетова. Раз так, отвечать надо осторожно, а лучше и вовсе молчать.

– Ты оглохла? – устав ждать, прикрикнул сероглазый.

Он шагнул вперед, зажал меня между стеной и кладовкой под лестницей.

– Не-е-ет, – проблеяла я, внезапно ощутив себя такой маленькой и хрупкой.

– Тогда отвечай!

Терпение Акселя явно заканчивалось. Вон, даже глаз задергался.

Не иначе от нервов, в голову лезли разные глупые мысли. Мол, что общего у Акселя с акселем? Не так уж мало. Аксель – прыжок сложный, не всем фигуристам покоряется. И

характер у сероглазого, чувствуется, тоже не сахар. Опять же людей резать любит. Хотя бы из вежливости бы поинтересовался, как я, руку перевязал. Или оказывать первую помощь попаданкам не положено?

– Я уже представилась, – напомнила некоторым.

Так, спокойно, вдох-выдох! Не дерзи, но и не дрожи осиновым листом.

– Катья? – немного исковеркав мое имя, презрительно переспросил Аксель. – Похоже на птичью кличку.

Тут я обиделась, действительно обиделась. Кого-то и во все в честь прыжка назвали, но я же молчу.

Высоко подняв подбородок, важно уточнила:

– Не Катья, а Екатерина Викторовна Нухопетова. Мы с вами не настолько близко знакомы, чтобы перейти на «ты».

До оскорбления я бы согласилась, а теперь дудки!

Аксель громко рассмеялся и глянул на меня как на умалишенную.

– Неужели ты решила, будто я завожу знакомства с такими?

– Какими – такими? – шмыгнула носом я.

Он так не вовремя зачесался, испортил образ сильной и независимой женщины.

– Вроде тебя, – презрительно поджал губы Аксель и ткнул в мою футболку. – Мужская одежда, выставленная напоказ грудь... Неужели я поверю, будто ты порядочная женщина?

Недоуменно скосила взгляд. Ничего провокационного.

Футболка свободного кроя, не первой свежести, признаю, но широкая. Вырез под горло, о декольте и речи нет. Лифчик я тоже ношу, хотя могла бы смело от него отказаться, грудь все равно не появится. Джинсы тоже не в обтяжку. Или он сломанную молнию мне в укор ставит? Так это добрые селяне постарались, когда пытались изнасиловать.

– Вдобавок волосы пострижены, – продолжал перечислять список моих грехов Аксель.

Будто слов было мало, он наклонился и зачем-то дернул меня за прядь у виска. Больно, между прочим! А после с гримасой отвращения вытер пальцы о плащ. Под ним действительно оказался меч, а еще странная штука, напоминавшая посох магов из компьютерных игр, только короче. Внутри венчавшего его мутного шарика потрескивали молнии.

– Ну, ты собираешь признаваться?

Аксель попытался ухватить меня за шиворот. Дернулась и плюхнулась на пол, да так неудачно, что разлила ведро с водой. От досады разрыдалась. Бывший чистый пол снова грязный, одежда окончательно пришла в негодность, намочшая ранка щиплет, а Акселя плевать, ему признания во всех грехах мира подавай.

– Я... я в другую страну поехала, – срывающимся голосом поведала о своих злоключениях. – Ходила, никого не трогала, повстречала соотечественницу. Она предложила гулять вместе, я согласилась. В итоге она меня ограбила. Распылила газ в лицо, забрала деньги, документы. Очнувшись, я набре-

ла на деревню. Там меня избили, едва не изнасиловали и не утопили. Остальное вы знаете.

Аксель покачал головой.

– Кого ты обманываешь? – вкрадчиво поинтересовался он. – В твой рассказ не поверил бы даже ребенок. Давай я расскажу, как было? Ты открыто предавалась блуду, хулила Дзуликого и угодила в тюрьму. Само собой, тебя выпороли, остригли, чтобы никто не спутал с порядочной женщиной, и выгнали из родного города. А вот дальше – загадка. Шлюхи так не одеваются, даже они боятся гнева Дзуликого. И штанов такого цвета я никогда не видал. – Аксель ткнул в джинсы. – Сверху тоже странный лиф. Снимай!

Замотала головой. Я еще от прошлых фантазий сероглазого не отошла, а тут новые! Не стану раздеваться, пусть другую для бесплатных развлечений найдет. И платных тоже.

– Никакая я не шлюха! Хватит меня оскорблять! Или вы из староверов? Только они считают женщин в брюках исчадьем зла.

Ай! Аксель ловко поймал меня и бесстыже полез под футболку. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы его пальцы не наткнулись на лифчик. На лице сероглазого отразилось недоумение, и после минутного колебания он отпустил меня.

Оправив одежду, буркнула:

– Могли бы извиниться!

Но Аксель не собирался и по новой завел шарманку.

– Кто ты? У донашивает одежду за любовниками шлюхи низшего пошиба не хватило бы денег на корсет. Его носят только состоятельные женщины. Но у тебя короткие волосы, ты непочтительна с мужчиной и говоришь на непонятном языке. Выходит, таки ведьма. Обещаю сохранить тебе жизнь, если расскажешь, каким образом обманула мою магию.

По спине скатилась ледяная капелька пота.

Кто хотел книжного героя? Получи, Катя, и распишись. Вот он стоит, широко расставив ноги, прикидывает, как лучше тебя нашинковать.

Затравленно огляделась, даже подергала дверцу кладовки. Вряд ли Акселя остановит сомнительная преграда в виде хлипкой дверцы, но лучше она, чем ничего. Увы, небеса меня спасти не собирались, оставалось уповать только на собственное красноречие.

– Я... Вы... Вы меня убьете?

Вопрос удалось задать не сразу: во рту пересохло.

Знаете, и даже рана болеть перестала. Потенциальное заражение крови – чепуха по сравнению с перспективой стать на голову короче. Или меня и вовсе сожгут? Какое зло тут меньшее? Наверное, умереть от разрыва сердца.

Аксель отодвинул край плаща и выразительно положил руку на рукоять меча, самую простую, обтянутую кожей, безо всяких драгоценных камней.

– Удачно я забрал артефакт, очень удачно! – мурлыкнул он. – На такой экземпляр заряда не жалко.

Какой экземпляр? Меня?

Ноги затряслись, и я медленно сползла на пол. В пустой надежде, что все это мне снится, пощипала себя за руку, но заработала лишь пару новых синяков.

– Так будешь говорить? – обманчиво спокойно напомнил о себе Аксель.

Сглотнув, кивнула:

– Буду!

Лицо сероглазого сделалось вновь отрешенным, будто он надеялся на длительное сопротивление, а я обманула его надежды.

– Для начала назови свой круг посвящения.

– В прошлом году институт закончила, – растерянно про-
бормотала я.

В ушах пульсировала кровь. Может, шлюха – не самый плохой вариант? Подумаешь, потерпишь пять минут, зато голова на месте. И другие части тела тоже.

– Институт? – наморщил лоб Аксель и рявкнул: – Хватит морочить мне голову чужестранными словами!

В подтверждение серьезности намерения обезглавить ведьму он взмахнул мечом. Ойкнув, не успела даже пригнуться. Клинок прошел в опасной близости от шеи, но не задел ее.

На шум выглянула из кухни то ли супруга, то ли служанка. Напрасно я надеялась на женскую солидарность, чванливая особа с ухмылкой тут же захлопнула дверь. Мол, так тебе и

надо, помыла полы и пора на тот свет.

– Школа! Школа для вас понятное слово? – заикаясь, пролепетала я.

Меня била крупная дрожь. Третий раз за сутки смерть дышала в лицо. Чем же я прогневила небеса? Обещаю, если вернусь домой, пойду работать экономистом! Пусть скучно, пусть совсем не мое, зато перестану расстраивать маму. Других грехов за мной, вроде, не водилось. Не пью, не курю, даже домашние задания не списывала.

– Ведовская? – живо уточнил Аксель и, к моему облегчению, убрал опасную железяку в ножны.

– Счетоводов, – с трудом подобрала подходящий эквивалент. – У нас девочкам дают образование. Они работают наравне с мужчинами.

– Ври да не заговаривайся! – осадил меня сероглазый. – Не всякого мужчину в школу берут, женщинам и подавно там делать нечего.

Понятно, о равенстве полов, даже теоретическом тут не слышали. Хороша сказочка!

– Меня дома учили, – соврала, чтобы не злить Акселя. – Считать там, писать. Соседский священник.

Вспоминай историю, Катя! Вроде, очагами просвещения были именно монастыри. Значит, обычный пастор тоже подойдет. Спасибо, «сосед» не ляпнула, а то бы сероглазый маму тоже причислил к особам легкого поведения.

В глазах Акселя мелькнул хищный интерес. Он снова мед-

ленно, очень медленно прошелся по мне взглядом и, гаденько улыбнувшись, вытащил из-под многослойной одежды медальон. Погладив его пальцем, сероглазый сунул украшение мне под нос и замер в ожидании. Он аж подрагивал от нетерпения. В недоумении покосилась на вещицу. Обычное украшение. Судя по потертостям, семейная реликвия. Гравировку разглядеть тяжело, отдаленно похоже на солнце, внутри которого полумесяц.

– Ну и? – вопросительно подняла брови. – Чего вы от меня хотите? Я не местная, традиций не знаю.

Лицо Акселя недовольно вытянулось. С громким вздохом сожаления он убрал медальон и пнул ногой лестницу.

– Тьфу, не ведьма! Хотя, – вновь оживился Аксель, – существует еще один способ...

Сероглазый не договорил и простер руки к потолку.

– Двудликий, свято имя твое, почему я должен вечно торчать в этой дыре, общаться с солдатней вместо того, чтобы спокойно ставить опыты в лаборатории? Еще и оборванка на мою голову! – Это он про меня. – Какое падение, какое унижение!

Продолжая сетовать на судьбу, Аксель зашагал наверх. Пусть он перешел на родной язык, интонация отлично передавала смысл слов.

Стоп, а я? Растерянно окликнула Акселя, но он не слышал. Только что грозился убить, мучил вопросами и бросил. И куда мне теперь? Я вдруг остро ощутила, что вокруг враж-

дебный мир. Аксель – единственный, кто меня понимал, и то благодаря артефакту. Когда он разрядится, не вечный же, мне придет конец. И я приняла решение. Придется ненадолго обосноваться в этом мире, понять, где очутилась, можно ли отсюда выбраться. И поможет мне в этом Аксель. Взаменя все полы в доме перемою! Мне много не надо, ем тоже мало, сероглазый в накладе не останется.

– Тер Аксель! Тер Аксель!

Перепрыгивая через ступеньки, уже не замечая их крутизны, я понеслась вслед за хозяином дома. В голове крутилось: «Если ты его не уговоришь, погибнешь!» Аксель ясно дал понять, кем меня считали. Шлюха или ведьма – разница не столь велика, с обеими не церемонились. Только Аксель понял (понял ведь?), что я ни то, ни другое.

– Тер Аксель!

Не успев вовремя затормозить, я с разбегу влетела прямо в грудь сероглазому. Он таки услышал, обернулся. Аксель даже не охнул, зато я сильно ударилась и теперь потирала нос.

– Помогите мне! – пока не передумала, на одном дыхании выпалила я.

Сейчас он развернется, скроется в кабинете... Но сероглазый поднял бровь и с надменной усмешкой любопытствовал:

– Как именно? Я и так оказал тебе большую услугу, подарил жизнь.

– За это спасибо. Большое спасибо.

Рукава повязанной на поясе куртки пришлись кстати, нашлось, чем в волнении занять пальцы. Вцепившись в них, прибегла к небольшой хитрости:

– Я слышала, вы известный маг...

– Лучший в герцогстве, – без лишней скромности признал Аксель. – Дальше что?

– Тогда вы точно можете вернуть меня домой. Он в другом мире.

Услышь я такое, сама бы себя в Скворцова-Степанова сдала, а сероглазый ничего, только скептически усмехается. Может, не верит? Так я докажу!

– Ничем не могу помочь, – припечатал Аксель и досадливо поморщился, вскользь коснувшись заинтересовавшего меня шарика с молниями. – Я и так зря потратил на тебя кучу времени. Еще надо артефакт зарядить, подумать, как тайком вернуть его в хранилище.

– Ну пожалуйста!

Не найдя других аргументов, я бухнулась на колени, обхватила ноги упрямца. Он мой единственный шанс, надо, зубами в штанину вцеплюсь.

– П-шла вон!

Аксель с попаданками не церемонился, стряхнул как надоедливую собачонку.

– Ну хотя бы языку научите, – снизила я планку.

Тогда бы я поискала более сговорчивого мага, не все же

такие гордые. Заодно бы к тому времени придумала, как рас-
плачусь. Само собой, бесплатно никто возиться не станет, а
без знания языка даже навоз убирать не устроишься. Опять
же надо где-то достать одежду. Нечего и думать показаться
перед местными в джинсах и футболке.

Аксель промолчал, и я заискивающе добавила:

– Я хозяйственная, чистоplotная, вы не пожалеете!

– У меня уже есть служанка, вторая без надобности. Что
еще ты можешь мне предложить?

Щекам стало жарко. Ответ витал в воздухе, вдобавок се-
роглазый ухмылялся от уха до уха... Думал, стушуюсь, сбе-
гу? Но у меня нашелся запасной вариант:

– Я бы вас нашему языку научила. И много чему еще. В
нашей стране много наук, которых у вас нет. Я на все соглас-
на, вы только назовите условие!

– А наукой ублажать мужчину ты владеешь? – Аксель
многозначительно покосился на мою грудь. Он заранее
праздновал победу, предвкушал удовольствие от моего по-
зора. – Я как раз остался без любовницы, ты могла бы ее за-
метить. Разумеется, если бы я счел твои умения достаточны-
ми. Как, рискнешь, Катя?

На этот раз сероглазый произнес мое имя четко, без еди-
ной запинки.

– Ну же! – подначивал он. – Недавно ты сказала, что со-
гласна на все. Или солгала? Солгала, даже не сомневался.
Женщины трусливы, как доходит до дела, всегда берут свои

слова обратно.

Ком подступил к горлу. Окаменев, я не знала, как поступить.

Вот кто тянул меня за язык, зачем я ляпнула ту двусмысленную фразу!

– Вы действительно этого хотите? – в надежде, что Аксель пошутил, уточнила я.

Сердце колотилось так часто, что не успевала дышать. Пальцы дернулись и замерли на узле рукавов куртки.

– Хочу. – Лучась самодовольствием, кивнул Аксель. – Прямо сейчас, чтобы раз и навсегда покончить с тобой. Уверен, все равно не справишься.

– А вот и справлюсь! – упрямо возразила я, знала о сексе в любом виде только в теории.

Просто взбесило его самомнение, хотелось щелкнуть Акселя по носу.

– Тогда ступай в спальню, разденься и жди меня. В углу, за занавеской, кувшин, ополоснись. Закончу, посмотрю, чего ты стоишь.

Аксель распахнул соседнюю с кабинетом дверь и сделал приглашающий жест рукой. Сглотнув, с высоко поднятой головой я переступила порог.

Мамочки, на что я подписалась?! В первый раз неизвестно с кем на спор!

Взгляд сразу уперся в кровать – место, где все должно было случиться. Добротная, такую не сдвинешь, она занимала

ровно треть комнаты. Лоскутное покрывало, полог с кистями – все, как положено. С трудом отведя взгляд от горы подушек, обернулась к Акселю.

– Передумала?

Он только этого и ждал, вон как светился.

– Нет.

Глубоко вздохнув, я сделала еще один шаг и потребовала:

– Только поклянитесь, что взамен мне поможете!

– Вот еще! – фыркнул за моей спиной сероглазый. – Мои услуги дорого стоят, а я от тебя пока даже аванса не получал.

И он захлопнул дверь, оставив меня вариться в котле страхов и сомнений.

Глава 5

Вот зачем я согласилась!

От отчаянья хотелось побиться головой о сундук. Он у Акселя большой, кованный, заменял шкаф. Такой захочешь, с места не сдвинешь.

Время стремительно утекало сквозь пальцы, а я не сдвинулась с места. Взгляд снова и снова обращался к кровати, но не могла я! Убеждала себя, что миллионы женщин через это прошли, даже удовольствие получили – бесполезно. При одной мысли о том, что придется раздеться перед Акселем, раздвинуть ноги и прочее, меня била крупная дрожь. Может, не поздно сбежать? Вряд ли сероглазый расстроится, быстро найдет себе любовницу с длинными волосами и нормальной одеждой.

Увы, меня постигло горькое разочарование: старая рама заела. В тупом исступлении я дергала снова и снова, пока, отчаявшись, не разрыдалась. Проклятая деревяшка! Хотя, даже если бы рама поддалась, живой и невредимой я бы не выбралась. Нет ни водосточной трубы, ни карниза – хоть чего-то, что бы облегчило бегство. Спрыгнешь, непременно сломаешь ноги и, того хуже, угодишь под колеса телеги. Правил дорожного движения местные не знали, кто ловчее, быстрее и сильнее, тот и прав, переехали бы за милую душу. Бросив тоскливый взгляд на улицу, отвернулась. Нечего

дразнить себя пустыми надеждами.

Тяжко вздохнув, поплелась к кровати и стянула футболку. Чуть помедлив, избавилась от куртки и джинсов. Все, хватит, остальное пусть снимет сам! Кинула мокрую одежду на пол и устроилась в изголовье, среди подушек.

Эх, мне бы горячую ванну!.. Если уж меня собрались насиловать, пусть хотя бы вымоют, а то самой противно, воняет как от мусорного ведра. Стоп, помнится, Аксель говорил о кувшине за занавеской.

Вода оказалась ледяной. Как только сероглазый такой умывается! Кое-как смыла прилипшую грязь, вытерлась покрывалом, потому как полотенца не нашла, и в гордой позе замерла возле кровати. Холод взбодрил, я даже заготовила обличительную речь. Суть ее сводилась к избитому тезису: порядочные мужчины женщин не насилуют. Если пару минут назад я смирилась, то теперь собиралась бороться за свои права. Только вот нарушать их никто не спешил. Я успела на зубок выучить пламенный монолог, а Аксель все не появлялся. Ну и наглость! Я тут мучаюсь, а ему даже не надо?

Насупившись, плюхнулась на сундук лицом к двери. Просто сидеть было скучно, и я принялась осматривать нехитрую обстановку. Часто она многое может сказать о человеке. Только вот объектов для изучения не хватало. Ни каминных полок, ни секретеров, ни картин, даже завалящего гобелена нет. Откуда только кровать взялась? Слишком она не вязалась с прочей аскезой, словно из другого мира. Явно дорогая,

с балдахином, резной спинкой, а рядом грубо сколоченный табурет, линияя занавеска, сосновый стол, такой же одинокий стул. Ну и сундук, на котором я уселась. Небогато! Декоративные изыски заменяла паутина в углу. К счастью, без паука, иначе бы я всколыхнула весь город криком.

Когда время ожидания перешло допустимые границы, я, обернувшись покрывалом на манер тоги, занялась стиркой. Изнасилование изнасилованием, а мне надо в чем-то ходить. Не в покрывале же по улицам шастать! Чувствую, мне придется задержаться в новом мире. Однако не успела я погрузить футболку и джинсы в таз, как за спиной послышался источавший приторную сладость голос:

– Как, ты еще здесь?

– А где же мне быть? – фыркнула в ответ.

Вода щипала ранку, но я мужественно терпела.

– И даже разделась? – отчего-то удивился Аксель.

Воистину, странный мужик! Сам приказал дожидаться его обнаженной в соблазнительной позе. С обнаженной вышла промашка, зато поза имелась – я как раз наклонилась.

– Да чем ты там занята? – теряя терпение, гаркнул сероглазый и, дернув за занавеску, оторопело уставился на большую стирку.

– Кажется, я однозначно выразился: служанка мне не нужна, – нахмурился он.

– Так я не ваши вещи стираю.

Ну вот, кое-как выстирала, теперь нужно высушить.

Ай! Аксель дернул за край покрывала и оставил меня в неглиже. Судя по сползшей с лица сальной усмешке, сероглазый рассчитывал на обнаженные прелести. Оба, он с недоумением, я – со стыдом, уставились на мой повседневный комплект с мишками и горошинами. Сексуального белья я не носила, частенько даже комплектов не подбирала, вот и в день злосчастной прогулки напялила лифчик и трусики разных производителей.

– Это что? – Аксель с опаской поддел пальцем резинку на животе.

– Эээ... Трусы.

Я даже возмутиться позабыла. Взрослый мужчина, без пяти минут насильник, а задает глупые вопросы! Аксель вообще вел себя нелогично: пялился на белье вместо того, чтобы его сорвать.

– А сверху? – не унимался юный натуралист. – На корсет не похоже.

– Покрывало отдай!

Воспользовавшись моментом, вырвала свою «тогу» и прикрылась. Ну вот, теперь можем поговорить.

– Значит, так, – с апломбом начала я в непривычной для себя грубой манере, – я тебе не девушка легкого поведения и...

– Замолкни!

Меня самым грубом образом прервали, заткнув рот ладонью. Похоже, это входит у Аксея в привычку. Проигнори-

ровав возмущенное мычание, сероглазый свободной рукой снова вытащил амулет с луной и солнцем и приложил к моему лбу, для верности даже надавил.

– Да кто ты такая?! – убрав руки, взорвался он.

Ну вот, пошли по второму кругу!

– Ты не ведьма и не шлюха, языка не знаешь, носишь одежду странного кроя и ведешь себя неподобающе, – продолжал сыпать обвинениями Аксель.

– По-моему, – справедливо возмутилась я, – неподобающе ведете себя здесь только вы!

– Да не нужна ты мне в любовницы! – со вздохом закатил глаза собеседник. – Я бы и одним разом побрезговал.

– Тогда почему?..

Я окончательно перестала что-либо понимать. То хочет меня, то брезгует. Хоть бы определился! Я вот точно знала, что спать с ним не стану.

– Я думал, ты откажешься, – неохотно признался Аксель и, на время оставив меня в покое, опустился на кровать. – Приличная женщина отказалась бы, и я благополучно бы от тебя избавился. Мне не нужны проблемы, слышишь?

Сероглазый неприязненно зыркнул на меня и, кажется, одарил проклятием.

– Верни покрывало и убирайся. Думал, ума хватит сбежать, так и его Дзуликий не дал.

Вцепившись в «тогу», замотала головой:

– Не отдам!

Пока одежда не высохнет, не расстанусь с покрывалом.
– Сам возьму, – буркнул Аксель.

Он решительно поднялся и шагнул в мою сторону. Взвизгнув, юркнула за занавеску и ухватилась за пустой кувшин – все какое-то оружие. Но боец из меня оказался аховый. В ходе недолгой борьбы Аксель одержал сокрушительную победу, то есть и разоружил, и обобрал.

Прикрываясь руками, я зябко переминалась с ноги на ногу. Со стороны потешное зрелище: девица в белье и в кроссовках. Хуже только голый в короне. И этот еще смотрит... Прижал покрывало к груди, как родное, разглядывает. Разумеется, не лицо, а то, что ниже.

– Ладно, – всем своим видом Аксель дал понять, что делает великое одолжение, – если иначе не уйдешь, награжу семенем рода Ульвов. Но чтобы после глаза мои тебя не видели! Явишься снова, сдам солдатам как ведьму.

И ведь действительно с покрывалом расстался, потянулся к завязкам штанов.

Яркие эмоции сероглазый получил, пригодился таз с водой. Недрогнувшей рукой я щедро выплеснула его содержимое в лицо Акселю, даже одежды не пожалела. Пока тот отфыркивался, снимал с головы мокрую футболку, успела подхватить покрывало и рванула к двери.

Хватит, надоело! Ни минуты больше в доме этого озабоченного не останусь!

Кубарем скатилась по лестнице, распахнула входную

дверь... и замерла. Стоило мне столь эффектно возникнуть на крыльце, как движение на улице замерло, все взгляды обратились в мою сторону. Матери торопливо закрывали детям глаза, женщины постарше осуждающе качали головами, одна и вовсе в меня плюнула. К счастью, промахнулась. Попятившись, юркнула обратно и прижалась спиной к двери.

Сердце мячиком подпрыгивало в груди, мысли лихорадочно сменяли одна другую.

И остаться нельзя, и на улице показаться.

Когда за дверью послышались шаги, забряцало оружие, нервы мои сдали, и я позорно бросилась искать защиты у любителя дармового тела. Обостривший слух подсказал: не зря, в дом действительно пожаловали солдаты. Пока они препирались со служанкой, но очень скоро доберутся до меня.

Аксель разочаровал. Вместо того, чтобы сокрушаться по поводу сорвавшейся близости, он работал! Разложил что-то на столе и внимательно разглядывал. Подойдя ближе, убедилась: он еще и фетишист. Сероглазый пристально изучал мои джинсы! Зато внешний вид мучителя пролил бальзам на раны. Мокрый петух, да и только! Волосы сосульками, с носа до сих пор капает...

Заскрипела лестница, и я решилась. К черту девичью гордость, не хочу на костер! Зажмурившись, расстегнула лифчик и патетично выдохнула:

– Берите!

Аксель и взял, но только не меня. Отважившись открыть

глаза, убедилась, лифчик ему интереснее девичьих прелестей. Вот скотина! Я ему девственность на блюдечке, а он!..

В дверь спальни требовательно постучали, кто-то окликнул Акселя по имени.

Прокусив губу от страха, неуклюже прикрывая грудь руками, я заметалась по комнате.

– В кровать, дура! – страдальчески закатил глаза Аксель. – С головой накройся, заодно это спрячь.

Он всучил мне влажную одежду. Разумеется, чтобы это взять, пришлось кое-что показать. Моя грудь удостоилась лишь невразумительного: «Хм!» После сероглазый утратил ко мне всякий интерес, спрятал артефакт в сундук и пошел открывать.

Указания Акселя я выполнила в точности. Уткнувшись носом в перину, прижимала к животу одежду и гадала, обойдется ли. Местного наречия я не понимала, но беседовали явно на повышенных тонах. Не иначе, та высокоморальная бабка постаралась! Мало ей плевка, она еще за стражей сходила! Покрывало даже колени прикрывало, чего она придирается?

Постепенно я немного успокоилась, перестала судорожно цепляться за мокрые джинсы, даже рискнула поменять позу, аккуратно выглянуть из-под одеяла.

В гости к Акселю пожаловали двое. Один, по виду солдат, замер на часах у двери, второй беседовал с сероглазым. Градус разговора немного понизился, хотя соперничество нику-

да не делось. Мужчины не скрывали антипатии друг к другу. Тут и языка знать не нужно, по мимике и взглядам понятно. Гость, важного вида блондин, поглядывал на Акселя свысока, будто между делом, то и дело касался перстней на руках. Мол, вот какой я богатый, весь в бархате с золотым шитьем. На его фоне сероглазый казался Золушкой, но пасовать перед аристократом (сомневаюсь, будто обычному смертному полагалась охрана) отказывался. Гордая осанка, прямой взгляд, я даже залюбовалась, а ведь гость намного красивее. Только вот разлитая по лицу спесь сводила на нет все очарование.

Судя по раздосадованному виду, так ничего и не добившись, блондин что-то буркнул на прощание, явно не дружеский привет, и, махнув рукой, отчалил.

Выждав немного для верности, я перевернулась на спину и села, прикрыв грудь подушкой.

Так, нужно абстрагироваться, представить, будто на мне лыжный костюм. Только вот я практически голая лежу в кровати, пропахшей мужчиной.

Сердце замерло, ушло в пятки, когда Аксель сдернул с меня одеяло.

Прохладный воздух мурашками пробежался по телу.
Сейчас все случится!..

Но сероглазый лишь сердито буркнул:

– Как оденешься, ступай в кабинет. Поговорим.

В недоумении покосилось на мокрое пятно, стремительно

расползавшееся по простыне. Во что оденусь? Во влажную футболку и рваные джинсы? Но Акселя подобные мелочи не волновали, прихватил мой лифчик и был таков.

Однако расхаживать топлесс мне не пришлось: сероглазый прислал служанку с одеждой. Мокрая постель ее не порадовала. Мое присутствие в ней тоже. Если бы могла, она испепелила меня взглядом, а так просто швырнула в лицо ночную рубашку до пят.

– Нья!

Уходить служанка не собиралась, сложив руки на груди, замерла перед кроватью. Губы презрительно поджаты, в глазах – неприкрытая злость. Что я ей такого сделала? Постель испачкала? Так это Аксель велел туда лечь, с него и спрос.

Кончики ушей пылали. Никогда прежде мне не приходилось одеваться перед посторонним человеком. Повернувшись к служанке спиной, быстро натянула рубашку. Она оказалась велика в груди. Еще бы у нас, со служанкой Акселя разные параметры. Она женщина налитая, сто сверху, сто снизу, а я... Прыщик самый настоящий!

– Норха! – от души припечатала служанка.

Стукнув крышкой сундука, она извлекла из него нечто, напоминавшее распашонку. Застегивалось странная одежда на два грубых крючка. Жестами показав, что распашонку тоже нужно надеть, служанка с чувством выполненного долга удалилась. Одолжить одно из платьев она пожадничала.

Вторично порог кабинета Акселя я переступила в облике

средневековой жительницы, только кроссовки из него выбивались. С непривычки тело под грубой рубашкой чесалось, особенно грудь. Изнежила нас цивилизация.

Аксель сидел за столом, разложив под давним предком микроскопа... мой лифчик.

– Много женщин в твоей стране так обманывают мужчин?

Он ткнул в чашечки лифа, щедро набитые поролоном.

– Много, – честно призналась я. – Это единственный способ сделать грудь больше.

Соврала, конечно, но пусть сероглазый пока пуш-ап переварит.

– Можешь надеть. – Аксель милостиво вернул лифчик и, сально улыбнувшись, предложил: – Помочь?

Покраснев пуще прежнего, замотала головой. Потом надену, в одиночестве.

– Итак, – сероглазый хрустнул пальцами и вернулся к прежнему деловому тону, – ты не ведьма и не шлюха. Иностранка. Из мест, о которых я не слышал. А ведь если я не знаю, никто не знает. Не смейся, – строго добавил он, заменив мою улыбку, – я не преувеличиваю. До недавнего времени я был придворным магом герцога Орса. Теперь его место занял тот человек, которого ты приняла за охотника на ведьм.

– Он приходил поиздеваться? – догадалась я.

Аксель промолчал, только заскрежетал зубами.

Блондин мне сразу не понравился, а теперь и вовсе стал

омерзителен. Не удивлюсь, если Аксель лишился поста его стараниями.

– Это к делу не относится, – чересчур резко наконец ответил сероглазый. – Речь о тебе. Ресурса артефакта хватит еще часа на два, поэтому говори кратко и по делу.

И я рассказала. Мол, существуют другие миры, я как раз из одного такого, попала сюда случайно. На этот раз Аксель внимательно слушал. Задумчиво подперев щеку ладонью, даже что-то записывал. Затем наступила его очередь задавать вопросы. Аксель пытался меня подловить, по несколько раз спрашивал одно и то же: о Маше, о тех верзилах в поле, о моей поездке в Прагу. Он искренне сомневался, будто меня отпустили одну без сопровождения. Как выяснилось, Аксель вообще мне не верил.

– Полагаю, тебя действительно ограбили. Затем ударили по голове, отсюда странные видения. Хотели продать в бордель, остригли, но ты сбежала. Думаю, ты из Ланкийского края. Женщинам там позволено многое.

Из Ланкийского края, так из Ланкийского края. Если бы мне как снег на голову свалился попаданец, я бы тоже покрутила пальцем у виска. Ничего, со временем Аксель все поймет, главное, чтобы сейчас не выгнал. Полными мольбы глазами кота из «Шрека» уставилась на Акселя, и сердце его дрогнуло.

– Хорошо, ты останешься, даже языку обучу. Только, – губы сероглазого дрогнули в циничной усмешке, – в моем доме

нахлебников нет. Так что думай, чем можешь быть полезна.
На свои женские прелести не рассчитывай, не впечатлили.

Глава 6

Если Аксель надеялся выставить меня на улицу, то он просчитался. Умения российских женщин игрой в немецких горничных не ограничивались.

Перво-наперво я вспомнила про диплом, который целый год пылился без дела. Вряд ли местная налоговая система так сложна, чтобы я не сумела организовать бухгалтерию в одном единственном доме. По книгам я знала, что слуги часто приворовывали. Вдобавок у Акселя клиенты (не воздухом же он питается!), нужен строгий учет, иначе договорятся на одну сумму, а отдадут другую.

Словом, не успело стемнеть, как я явилась к сероглазому с деловым предложением.

Я застала Акселя за крайне интересным занятием. Он держал на вытянутых руках помогавшего нам общаться артефакт, окунув его в косые солнечные лучи. Шар пылал, превратился в подобие шаровой молнии. От него под кожу Акселя уходили тончайшие щупальца. Смотрелось жутко! Но одновременно я испытала странный восторг. Замерла на пороге с открытым ртом. Магия! Настоящая магия! Она существует! Нужно выложить на стену Даши Барышниковой фотографию шарика, а еще лучше видео. По привычке я потянулась к плечу, на котором носила камеру, ... и нащупала пустоту. Черт, фотоаппарат! Он остался в том сарае. Лишь

бы полоумные крестьяне не учинили над ним показательную казнь. С них стало бы утопить дорогую технику как пособия Дьявола – или как у местных он называется? Бог – Двуликий, а его антагонист? Надо бы осторожно разузнать у Акселя, заодно попросить вернуть камеру. Аккумулятор мощный, надолго хватит, я сумела бы немного поснимать. Тайком, разумеется – что-то подсказывало, даже прогрессивный Аксель убил бы за попытку навести на него объектив.

Задумчиво почесала подбородок.

Просто так сероглазый никуда не поедет, надо посулить некую выгоду. Интересно, смог бы он заменить электричество магией? Стал бы первопроходцем, владельцем первого фотоателье. Уверена, многие знатные женихи отвалили бы кучу денег за возможность получить правдивый, а не украшенный портрет невесты. Генрих Восьмой тому пример. Нашелся бы в те времена фотограф, передали бы монарху карточку Анны Клевской, не пришлось бы разводиться, отступные платить. И ведь он король, мог другую жену взять, если старая надоела, а большинство дворян такой роскоши лишена. Сиди себе и жди, пока супруга умрет. Словом, сделала бы я благое дело.

– Надумала?

Аксель боковым зрением уловил мое присутствие и обернулся.

Сияние вокруг шара мгновенно погасло. Сам он тоже перестал шипеть, стал прежним.

Кивнула и решительно направилась к столу. Так, где тут амбарные книги?

– А что вы делали с солнцем? – рискнула спросить я, искоса, с любопытством поглядывая на Акселя.

– Тебе какая разница? – огрызнулся Аксель и, чуть помедлив, добавил: – Вещи мои верни.

Вещи? Я не сразу поняла, о чем речь, но потом догадалась – распашонку. Но ведь у меня под ней только нижняя рубашка... Так и сказала. В ответ Аксель осклабился:

– Чего стесняться, все равно сегодня подо мной ножки раздвинешь. Другого все равно не предложишь.

Вспыхнула. Однако каков нахал! Хотя оно и понятно, судя по пренебрежительному отношению к женщинам, они здесь либо жены, либо служанки, либо любовницы. Некоторые совмещали сразу две функции.

– А вот и нет! – победоносно улыбнулась я. Что хмуришься? Не тебе одному гоголем ходить. – Мне очень даже есть, что предложить. Можно взглянуть на записи ваших доходов и расходов?

– Зачем? – напрягся Аксель. – Собираешься меня ограбить?

Сокрушенно вздохнула.

– Если бы я хотела вас ограбить, потребовала бы кошелек. А я, наоборот, хочу увеличить ваш доход. Спорим, вы не записали, сколько получили от офицера, свалили деньги в общую кучу. И со служанки за каждую монетку не спрашива-

ете. В итоге вы понятия не имеете, какая деятельность приносит больше дохода, вас обманывают слуги и...

– Стоп!

Сероглазый остановил меня поднятой ладонью. На его лице отразилась напряженная работа мысли. Я терпеливо ждала, понимая, повлиять на его решение я никак не могу.

Уж не знаю, какой из немногочисленных доводов оказался решающим, но Аксель ворчливо потребовал отвернуться и, порывшись в ящиках, водрузил на стол ту самую книгу. Судя по истершемуся кожаному переплету, она верой и правдой служила хозяину много лет.

– Вот. – Сероглазый ткнул пальцем в самодельную обложку.

Воодушевленная, я склонилась над амбарной книгой и запоздало сообразила, что мой план обречен на провал. Я абсолютно ничего не понимала! Ни слов, ни цифр. Отчего-то я полагала, последние окажутся арабскими, но не тут-то было! Зато и без знания языка было понятно, в записях Акселя царил полный бардак. Они наезжали друг на друга, прыгали с одной строчки на другую. Сероглазый постоянно что-то зачеркивал и дописывал – словом, ни о каком бухучете говорить не приходилось. Даже элементарное деление на два столбца доходов и расходов отсутствовало. А ведь я экономист, бухучет знала поверхностно, представляю, до чего довел бы этот кавардак специалиста. До инфаркта, не иначе.

– Никуда не годится!

Я с шумом захлопнула книгу и закашлялась от поднявшейся в воздух пыли. Вот еще один штрих к благосостоянию Акселя – работы у него мало, раз нечасто достает записи.

– Некогда мне со всякой ерундой возиться! – обиделся сероглазый. – Прежде был секретарь, он...

Аксель осекся, сразу стал мрачнее тучи, но я уже жадно ухватила за неосторожно сказанное слово, заодно припомнила другие, про артефакт. Мол, мы вон сколько общаемся, а кто-то утверждал, будто он скоро разрядится.

– Артефакт я только что зарядил, – неохотно пояснил сероглазый.

– Понятно.

Уважительно глянула на Акселя. Вспомнились нити, тянувшиеся от его тела к шарикю. Выходит, он использовал собственную энергию (или как это у магов называется?) для подпитки артефакта. Силен! В моем представлении не каждый маг после такого был бы свеж и бодр.

Аксель невесело, с толикой сожаления усмехнулся и добил меня признанием:

– Некогда этот артефакт принадлежал моему учителю. Еще при жизни он подарил его мне.

– Но... – Я ничего не понимала. – Зачем его красть, если он все равно ваш?

– Не твое дело! – неожиданно взорвался сероглазый.

Под его кожей заходили желваки. Пальцы впились в край стола, рискуя превратить дерево в труху. Побелевшие губы,

напрягшиеся мышцы рта, практически сошедшие на переносице брови красноречиво свидетельствовали: Аксель в ярости. Поначалу решила, его разозлило мое любопытство, но потом сообразила, он ненавидел кого-то из своих воспоминаний. Я всего лишь напомнила о давней обиде.

– Его отобрал тот блондин? – осторожно предположила я и прикинула расстояние до двери: успею или нет? – Тот, который занял вашу должность.

– Украл, – заскрежетав зубами, поправил Аксель. – Подлый мерзавец!

Уверившись, что меня не убьют за излишнюю любознательность, продолжила расспросы:

– Но почему вы не заявили о краже? Если артефакт ваш...

– Отныне он хранится в Палате магов и точка!

Сероглазый со всего размаху стукнул кулаком по столу. От неожиданности я подпрыгнула и набила шишку на затылке.

– Мое прошлое тебя не касается. Знай свое место!

Еще бы понять, какое – Аксель до сих пор не удосужился его сообщить.

Примиряюще вскинула руки.

– Хорошо, молчу! Ничего не видела, ничего не слышала, никому ничего не скажу.

Почти как в старой советской песенке вышло. Она случайно попала мне в ретро-подборке и запала в душу.

– Так ты действительно умеешь вести дела? – немного

остыв, вернулся Аксель к прерванному разговору.

Кивнула. Даже если не получится, заработаю временный кров над головой.

– Отец учил? – не унимался сероглазый.

– Отец, отец, – покорно закивала в ответ.

Поняла уже, женщин в школы не берут, максимум крестиком расписываться разрешаю. Поэтому пусть моим образованием займутся отец-чудак и местный священник.

– Братьев не было? – продолжал выпытывать Аксель.

Окончательно оправившись от минутной вспышки гнева, он с научным интересом посматривал на меня, будто видел впервые. Ну да, приходилось знакомиться заново, не как с ведьмой или сексуальной рабыней, а как с человеком. Судя по всему, эта ипостась Аксея заинтересовала, иначе бы он снова замкнулся и указал мне на дверь.

– Нет.

Тут я не покривила душой. Единственный ребенок, кровиночка, эгоистка и всякое такое.

– Тогда понятно.

Паззл в голове Аксея сложился. Сероглазый нашел всему разумное объяснение: и моим манерам, и стрижке, и дерзкому языку. По его мнению, меня растили как мальчика. Переубедить не стала и, воспользовавшись моментом, заговорила про фотоаппарат:

– Аксель, видите ли, когда меня схватили, при мне был ценный механический артефакт. С его помощью можно де-

лать застывшие картинки и показывать другим людям.

Сероглазый хмыкнул. Не поверил.

Покусывая губы, решила на опасный шаг – сыграла на чужом самолюбии.

– Вам ведь хочется наказать того мерзкого блондина?

– Гарольда Веера, – автоматически поправил Аксель, пре-
красно догадавшись, о ком шла речь.

Лицо его снова потемнело, но сероглазый смог быстро со-
владать собой.

– Тера Гарольда Веера, правильно?

Я вопросительно глянула на собеседника. Вроде, он до-
бавлял к своему имени эту приставку, обозначающую статус
мага. Аксель промолчал и отвернулся.

– Забудь! – наконец глухо произнес он. – Даже если твой
артефакт правда работает, он отправит тебя на костер. Если
же Гарольд прознает о моей помощи, то и меня тоже.

– И вы вот так все это оставите? – в сомнении покачала
я головой.

Аксель не производил впечатления человека, покоривше-
го судьбе. В нем бурлила злоба, он не побоялся дать отпор
противнику днем, хотя тот явился с телохранителем. И тут
вдруг...

– Мои дела тебя не касаются, только хозяйственные.

Сероглазый развернулся ко мне, отвязал от пояса кошелек
и кинул на стол пару серебряных монет:

– На одежду. Волосы тоже прячь, у нас даже с длинными

простоволосыми не ходят. Заниматься с тобой буду вечером, по три оборота песочных часов. Взамен ты до дня Николина должна доказать, что не врешь. Если не справишься, продам в бордель.

– Почему сразу в бордель? – обиделась я. – Почему не в служанки?

– Потому что я не желаю ждать, пока ты долг отработаешь, так проще.

Шумно засопела. Проще ему! Немудрено, что хлебную должность с такой скудной фантазией потерял. Только фиг, обойдусь без экскурсии по кварталу красных фонарей.

– А Николин день когда? – деловито уточнила час икс испытательного срока.

– Не Николин, а Николина, бестолочь! Какой такой священник тебя учил, что имен святых праведников не знаешь? – пробурчал Аксель. – Как луна заново рождается, так и отпразднуем.

Ясно, у меня в запасе максимум две недели. Негусто!

Убедившись, что я не испугалась, не взяла слово обратно, сероглазый достал из ящика самодельную тетрадь – десяток листов, скрепленных толстой нитью.

– Счет разумеешь?

Аксель вырвал один из листов и разгладил ладонью. Ни привычной клетки, ни белизны целлюлозы – под его рукой топорщилось нечто желтое, неровное. Неужели пергамент?

– Ваш нет, – честно призналась я. – У нас принят другой.

Могу показать.

Сероглазый очинил гусиное перо и протянул мне: мол, давай. После достал с полки песочные часы и водрузил на видном месте. Выходит, он не шутил насчет трех оборотов.

Песчинки медленно сочились в нижнюю колбу, а я старательно, прикусив кончик языка, выводила цифры, проговаривая их вслух. Перо жутко скрипело, рвало бумагу, делало кляксы. Когда с грехом пополам дошла до двадцати, пальцы болели от напряжения. Зато в руке Акселя перо летало. Он быстро написал рядом с моими цифрами принятые здесь обозначения – геометрические фигуры. Одна палочка – единица, две палочки – двойка, и так до пяти. Пятерку обозначал треугольник. Чтобы получить шесть, к нему надо добавить палочку. Десятка – квадрат, сотня – кружок, а тысяча – эллипс. О миллионе местные не слышали, да и не водилось у них столько денег.

Кое-как освоив новую систему счета, получила практическое задание – разобраться с записями за месяц. Аксель зачитывал строчки, а я ловко разносила циферки по столбикам. В итоге к третьему обороту часов выстроилась четкая картина доходов и расходов, и не просто, а по подпунктам. Столько-то ушло на налоги, столько – на еду, одежду, предметы быта. Доходы я тоже структурировала, благодаря чему удалось выявить недостачу: ушлый клиент забыл добавить пятую часть платежа. Аксель неохотно, с видимым стеснением пояснил, что ему часто приходится работать в долг. У про-

стых горожан карманы золотом не набиты, а дворяне к сероглазому не хаживали, отвернулись, как только он попал в опалу.

– Низвели до обычного городского мага! И все ждали, пока Аксель Ульв приползет прощения просить. Но не бывать такому! Лучше в нищете умру, чем стану покрывать душегубов. Я один тогда посмел рот открыть, остальные промолчали, трусы! В итоге вожусь с тобой вместо того, чтобы председательствовать в Ковене, – сокрушенно закончил короткую исповедь сероглазый и, спохватившись, оценил результаты моего труда: – Хм, ты не безнадежна!

Сладко потянувшись, он предупредил:

– За пределами кабинета говорить будем только на ирде. Артефакт я придержу, но надолго оставить не смогу, слишком рисковую. Сначала выучишь разговорный ирд, потом до литературного дойдешь. А теперь ступай: мне нужно поработать.

– Куда ступать-то? – растерянно пробормотала я.

– В спальню, – приторно улыбнулся Аксель, без труда возгнав в краску.

Ну вот, все так хорошо начиналось!..

– Да на чердак, дуреха! – сжалился, признался, что пошутил, сероглазый. – Как тебя легко смутить! Ида принесет матрас, устроишься на первое время. В ее комнатушке тесно, вдвоем не поместитесь.

Служанка даже не пыталась скрыть своих эмоций, когда

вторично принесла мне одежду: не в ночнушке же по лавкам ходить? На этот раз она выдала полный комплект, не иначе Аксель позаботился. Все это она свалила на пол и едва ли не сорвала с меня жилет-распашонку хозяина. Спрашивается, откуда столько ненависти? Можно подумать, я ее объедала.

– Нужен мне твой сероглазый! Забирай со всем приданым.

Русского Ида не понимала, но промолчать я не могла: надоело. Вот и лишний стимул скорее выучить таинственный ирд – объяснить мадам, что делить нам с ней нечего.

Служанка зыркнула на меня и ушла, нарочито громко стукнув дверцей лаза в потолке.

Пожала плечами. Хочет дуться, пусть дуется, сама дура. У меня без нее дел хватало. Например, разобрать скопившийся на чердаке храм и отыскать уборную. Ох, если бы знала наперед, не отнеслась бы к Иде столь легкомысленно! Но тогда мне казалось, что важно только расположение Аксея, а она так, служанка, побурчит, в суп плюнет и успокоится.

Глава 7

Почти каждую минуту я мечтала вернуться домой. Когда просыпалась с затекшей спиной, когда затыкала очередную щель в крыше подручными средствами. Когда воевала с огнём, чтобы разжечь очаг.

Помыться в новом мире – тоже целая проблема! Сначала нужно приволочь из кладовой лохань, отмыть ее ледяной водой от пыли и грязи – места ведь мало, в нее ставили разную всячину. Затем отгородить занавеской угол в кухне и натаскать воды. Ведро холодной, ведро горячей – и так по кругу. Когда закончишь, так умаешься, что о мытье забудешь. Наверное, поэтому гигиенические процедуры среди местного населения популярностью не пользовались. Обычно ограничивались полотенцем, тазиком и кувшином. У Акселя – персональным, с доставкой на дом, тьфу, в спальню. Я довольствовалась тем, что найду. Причем, складывалось впечатление, что Ида жалко даже битой миски. Она подняла такой крик, когда я попыталась забрать одну на ПМЖ. Не удивлюсь, если отныне перед сном служанка пересчитывала утварь, а утром сверяла ее по описи.

Но сегодня я таки решила устроиться себе своеобразное СПА. Аксель уехал сразу после завтрака, вредная Ида отправилась чесать лясы с соседкой. Видимо, устала переговариваться с ней из окошка, развешивая белье. Стыдоба какая!

Один из крупнейших городов королевства, а на улице панталоны вместо флагов на веревках колышутся. Я свои вещи сушила на чердаке, стеснялась, а Иде, Акселю плевать, смотрите, люди добрые! И таких тут сотни. Не удивлюсь, если и герцогские штанишки гордо полоскались на ветру.

От духоты и пара, верных спутников принятия ванны, кружилась голова. Раздевшись до нижнего белья, я металась между очагом и бочкой для воды. Сюда наливали обычную, дождевую или из речки, если повезет, из общественного колодца. Для настоев продавали артезианскую. Стоила она дорого, но Аксель иногда посылал Иду к тележке водовоза. А так все мы пили из сомнительной бочки. Правда, я воду предусмотрительно кипятила – мало ли. У местных иммунитет, а ко мне зараза пристанет.

На табурете лежала чистая новая одежда – опыт языковой практики с местными. Собственно, она началась на рынке. Я таскала за Идой тяжелые корзины со снедью, попутно слушала, пыталась понять незнакомый говор. И добилась-таки успеха, сумела раздобыть базовый гардероб местных девушек: нижнюю сорочку, плотный полотняный корсет, кофту и юбку. Все купила готовое, сама кое-как подогнала по фигуре. На первое время сойдет, все лучше обносков Иды.

Так же пришлось озаботиться головным убором. Без него разгуливали только особы облегченного поведения, а моя стрижка и вовсе указывала на ветерана древнейшей профессии. Для девиц моего возраста и семейного положение по-

лагались два варианта: косы-баранки, прикрытые полупрозрачной тканью, и своеобразная помесь капора с капюшоном, застегивавшаяся на груди. Ну или чепец – универсальный убор крестьянок и служанок всех мастей. Поразмыслив, я разжилась вторым вариантом. Впереди зима, шапок женщины здесь не носят, хотя бы менингит не подцеплю. Заодно не видно, что там под капором-капюшоном, какой длины волосы.

Все вместе обошлось в смешную цену – тридцать медных грошей, меньше серебряного соверена.

Убедившись, что вода в лохани нужной температуры, я окончательно разоблачилась и в блаженстве погрузилась в импровизированную ванну. Как хорошо! Если намылиться тем мылом, которое я стащила у Аксея, то вообще неплохо. До чертиков надоело горячее полотенце! Оно только размазывало грязь по телу. И на голове, наверное, за месяц образовался вшивый домик.

Сладко потянулась, выгнувшись всем телом, и едва не пустила пузыри, заметив наблюдавшего за мной Аксея. Нахал отодвинул занавеску и без стеснения изучал впадины и округлости. Ойкнув, поспешила прикрыться ладошками, надеясь, что Аксель появился после того, как я скрылась под мыльной пеной. В противном случае я стала героиней бесплатного порно.

– Убирайтесь!

Блеснув верхними прелестями, я запустила в мерзавца по-

лотенцем. Аксель перехватил его в полете и закинул на веревку с импровизированной занавеской.

– С чего вдруг? – хмыкнул он и... начал раздеваться.

Запаниковав, села.

– Что вы делаете?!

Хотя и так понятно, не в шахматы же он со мной собрался играть.

– Собираюсь принять ванну. Ты можешь остаться, – милостиво разрешил Аксель, скинув на пол камзол.

– Может, вы подождете?.. – гневно начала я, но сероглазый расставил точки одним решительным «нет».

– Я слишком устал, чтобы пререкаться. Хочешь мыться, мойся со мной. Нет – убирайся.

И ведь уйти бы, потому что ни в какие рамки ситуация не лезла, но я осталась, плюнула на стыд. Не для того я корячилась, чтобы из-за противного мужчины остаться грязной. Сейчас быстренько закончу и пойду. Аксель ведь до конца точно не разденется. Наивная!

В Сети могли сколько угодно твердить о просвещенности и распущенности нынешнего поколения, но голого мужчину я видела впервые. Причем для Акселя, в отличие от меня, нагота была естественной. Он горделиво дефилировал по кухне в костюме Адама, что-то доставал, убирал, а оно... Словом, мои уши стали краснее свеклы.

Так, Катя, упрямство упрямством, но на разврат я не подписывалась. Грязная так грязная, лишь бы подальше от это-

го извращенца! Я-то полагала, он пошутил, покуражится и уйдет.

Едва не перевернув бадью, я выбралась на пол. Влажная кожа мгновенно покрылась мурашками.

– Уже уходишь? – Аксель будто специально остановился рядом с моими вещами. – Там хватило бы места для двоих.

Досчитав до десяти, я, словно камикадзе, ринулась вперед и под хохот сероглазого подхватила стопку с табуретки.

– Вытрись хотя бы!

Издеваясь, он метнул мне полотенце. Я поймала. Какая теперь разница, пусть еще минутку на голую полюбуется. Но Акселя мое тело не волновало. Плеск воды подсказал, что он забрался в бадью. Я же, повернувшись спиной к мужлану, лихорадочно одевалась. Надо было вклепить ему пощечину, чтобы за глазами присматривал! И вторую – за плохие манеры.

– У тебя аппетитная попка, – без тени вины, с оттенком легкой усталости выдал сероглазый. – Можешь как-нибудь ночью прийти, покувыркаемся. А теперь ступай, если не собираешься потерять мне спину. И дверь плотно закрой, чтобы жар не выдуло.

Вконец разозлившись, показала Акселю средний палец и позорно покинула поле боя. Надеюсь, последнему икалось от моих теплых слов! Я не поскупилась, одарила сероглазого всем скудным запасом русского бранного.

Развлечение себе нашел! Немного остыв, я убедилась, на-

мерения Акселя не простирались дальше «смотреть». Ему просто нужна была лохань, а ее заняла я, вот он и нашел самый быстрый и действенный способ завладеть чужим имуществом. Но в последующие две ночи мне не спалось. Все казалось, будто скрипят ступеньки, и похотливый сероглазый маг лезет меня насиловать. Потом, убедившись, что все в порядке, я успокоилась, хотя злость и обида на Акселя улеглись не скоро.

* * *

Новый мир заставлял проявлять изобретательность. К примеру, я сумела починить «молнию» на джинсах. Кое-как, на скорую руку, зато она работала. Правда, надевать штаны в здешних местах не рекомендовалось под страхом смертной казни. Объяснение простое, точно такое же бытовало в наши Средние века. Мол, все на свете поделено Дзуликим на мужское и женское. Покуситься на вещь из чужого списка – пойти против божьей воли, отринуть свой пол. Поэтому джинсы я бережно выстирала и убрала под подушку. Остальная «земная» одежда за исключением белья досталась Акселю. Он не носить ее собрался – изучать. Не удивлюсь, если к следующему лету сероглазый обзаведется рубашкой с короткими рукавами. Он отметил удобство кроя для жарких дней. В куртке Акселя заинтересовала застежка. Мастера Билардии, так называлось королевство, куда меня занесло, научи-

лись делать костяные пуговицы. Увы, они выходили ломкими, большими и неудобными, поэтому местные предпочитали крючки и завязки. И тут я с новой конструкцией, которую при желании можно повторить. Речь шла о так называемых джинсовых пуговицах. Вроде, Аксель даже патент собирался на них получить, чтобы потом получать проценты с каждой сшитой вещи с новомодной застежкой. Я не возражала: платить за еду и постой чем-то надо, не бухгалтером же единым.

Словом, постепенно моя жизнь в Антрее, главном городе земли Орса, устаканилась. Я научилась вставать с первыми лучами солнца, чтобы умыться и помочь Иде с завтраком. После либо работала с цифрами, приводя в порядок счета Аксея, либо хлопотала по хозяйству. При свете мигающей масляной лампы начиналось учение. Дальше ужин и на боковую. Словом, одно и то же изо дня в день, кроме седмицы. В воскресенье местные не работали, наряжались и шли слушать проповедь. Меня, по известным причинам, туда не брали, и я с чистой совестью предавалась лени. Разумеется, в минуты покоя и перед сном не раз поминала «добрым» словом Машу. Надеюсь, ее арестовали. Хотя что толку, она все равно там, а я здесь. Вот бы выбраться и... Что я с ней сделаю, пока не решила, хотя бы в волосы вцеплюсь.

Я до сих пор не понимала, зачем Маша так поступила. Пару раз осторожно спрашивала у Аксея, не ищут ли здесь особо опасную ведьму, умеющую открывать порталы, но он только смеялся и велел не лезть с глупостями. Никого не

ищут, порталы и вообще вещь штучная, артефакты для них на заказ не всякий мастер сделает. А если и сумеет, то силенок на другой мир не хватит.

Словом, ничего не предвещало перемен, пока во время очередных занятий Аксель не огорошил вопросом:

– Эннен купила?

– Чего?

Я совершенно невежливо уставилась на него, даже рот открыла.

– Так купила? – не унимался сероглазый.

Еще бы объяснил, что такое тот таинственный эннен и зачем он вдруг мне понадобился.

– На два соверена, которые я тебе дал, – постукивая ребром ладони по столу, нравоучительно заметил Аксель, – можно купить лошадь. Я же просил всего лишь достойную одежду. Ты вернула остаток денег и заявила, что все купила. Так в чем ты пойдешь в собор?

– Я?

Перспектива отправиться в кружок любителей жареных ведьм не радовала. Я уже успела познакомиться с местными обычаями, прекрасно понимала, служители Двуликого мне не друзья.

– Тер, – заискивающе перешла на почтительное обращение, – я лучше дома посижу. Дел много! А то налоги скоро платить, надо со всем разобраться.

Аксель пристальным немигающим взглядом уставился на

меня. Мы словно перенеслись в мой первый день в городе, когда сероглазый пускал мне кровь и пугал знаком Двуликого. Подавшись ко мне, практически распластавшись на столе, Аксель вкрадчиво поинтересовался:

– Так ты ведьма?

Со вздохом закатила глаза. Ну вот опять!

– Я не ведьма, я девушка из другого мира, – объяснила по десятому разу и смирилась: – Ладно, пойду я в ваш храм.

Со стороны он смотрелся монументально, узнаю, как там внутри.

* * *

Воображение рисовало подобие европейских соборов с высокими сводами, химерами и прочей живностью на колоннах. В реальности все оказалось скромнее. Никаких статуй, каменного кружева, хотя своды действительно высокие, шея заболит разглядывать. Витражи украшали только восточную, алтарную, часть храма. В остальные окна вставили обычные стекла, частично цветные, отчего на пол ложились причудливые полосы света. Зато буквально каждый свободный сантиметр украшали фрески. Непривычно было видеть на них не святых, а самых обычных людей. Вот крестьянин идет за плугом. Вот охотник гонит зверя. Вот коронуют монарха. Не обошлось без могил. Им отвели обособленные боковые пределы, отделенные от молящихся железной решет-

кой и рядами одинаковых массивных столбов. Попасть туда можно было либо через дверцу возле кресел именитых прихожан, либо через проход у самых дверей. По словам Акселя, в соборе хоронили магов и представителей местной аристократии. Всех, кроме герцогов Орса – у них имелась своя особая усыпальница.

Вот ведь люди! Ведьма – фу, а как маг, пожалуйста, почетное место под гранитной плитой.

Я ощущала себя актрисой на детском утреннике, которая не определилась, кого именно играет: фею или капусту. Несмотря на прохладу внутри собора, я прела во множестве того, что пришлось натянуть ради парадного выхода. Аксель настоял, чтобы я взяла бархатное распашное платье, и теперь его длинный подол волочился по полу, собирая мусор. Рассточительство сероглазого объяснялось просто – он собирался представить меня как любовницу. Былые амбиции не позволяли Акселю расстаться с золотым и серебряным шитьем, мне полагалось соответствовать.

Разумеется, подобные наряды шили, а не продавали на рынке. Сначала полагалось купить по отдельности отрез ткани, кружево, жемчуга, канитель – словом, по кускам собрать будущий наряд, чтобы потом передать портному. Стоило это баснословно дорого, я нашла бы лучшее применение тому соверену и сорока грошам, но Акселю виднее. Хочет куклу, пусть получает, лишь бы под юбку не лез.

Жутко хотелось приподнять головной убор в форме пере-

вернутого пожарного ведра и почесать голову. Это же пыточ-
ный аппарат! Мало того, что за все цепляется, так в нем ми-
гом покрываешься потом. Чтобы не падала, конструкцию из
условного ведра и хвоста плотной вуали намертво привязы-
вали к голове лентами под подбородком. Воистину, красота
требовала жертв!

Я гордо вышагивала под руку с Акселем, улыбаясь тем, ко-
му улыбался он, и тайком разглядывая местную публику. Как
езде, тут царило социальное неравенство. Как бы ни наря-
жалась простые работяги, их белые чепцы и добротные кам-
золы не шли ни в какое сравнение с тем, что надели на празд-
ничную службу представители первого и верхушки второго
сословия. Да и сидеть им полагалось в разных местах. Ида
и вовсе осталась стоять у двери – место слуг там или на га-
лерее. Скамейки для лавочников, пекарей и прочих, а нам с
Акселем предстояло занять ВИП-кресла.

– Что бы ни случилось, молчи! – шепотом наставлял се-
роглазый. – От любовницы ума не требуется. Смотри скром-
но, лучше в пол. Окликнут, не оборачивайся. Обязательно к
божественному лику с обеих сторон приложись. У мужской
половины к руке, у женской – к животу. После коснись паль-
цами губ и размажь благословение по лицу.

– А сколькими пальцами? – на всякий случай уточнила я.
Не хочу угодить в местные раскольники.
Оказалось, неважно, хоть всей пятерней.

За разговорами мы добрались до мест для именитых при-

хожан.

Я заметила, как до того, как направил меня в самый последний ряд, Аксель ненадолго задержал взгляд на кресле в самом первом ряду. Там уже расположился ненавистный блондин – счастливый обладатель прежней должности серо-глазого. Даже отсюда был слышен мерзкий хихикающий голос Гарольда, что-то упоенно рассказывавшего даме в мехах. Ни стыда, ни совести! Отвернулась, чтобы вслух не высказаться насчет приличий. Храм не ночной клуб, тут не гогочут.

К каждому креслу цепочкой крепился сборник молитва. Очень удобно, не надо заучивать. С интересом полистала свой, выискивая знакомые слова, и вдруг осознала, что в соборе стало тихо. Голоса резко смолкли, никто больше со скипом не отодвигал кресла, не стучал каблуками в проходе. Наверное, служба началась. Захлопнув молитвенник, подняла глаза и поняла, что ошиблась. Крупно ошиблась.

Сияя не хуже тульского самовара, в начале нашего ряда стояла Ида.

– Вот она, проклятое семя! – Она победоносно ткнула в меня пальцем. – На святом лике присягну, сама видела, как она ворожбу творила, письма кровью по бумаге выводила.

В недоумении перевела взор на людей мрачного вида, которых привела служанка: священник, солдаты и некто в черном с нашивкой петуха на рукаве. В руках он держал... мой фотоаппарат.

Под ложечкой засосало от предчувствия беды. С мольбой обернулась к Акселю. Он сидел белее полотна, крепко стиснув пальцы, и молчал.

Ида между тем истерично заголосила, чтобы ни у кого не осталось сомнений:

– Ведьма!

И стражники, качнув пиками, двинулись ко мне...

Глава 8

Прежде я читала, что от шока время словно замедляется. Наверное, в соборе случилось нечто подобное. Меня сковало по рукам и ногам. Знаете, когда мозг отдает команды, а тело не подчиняется. Умом понимала: надо бежать, только как?

Все вокруг как в тумане: истеричная Ида, шепчущий молитвы священник, хищно скалящийся человек в черном. Его я сразу определила как главного. Хищник. Ну а я добыча.

Платье, только платье не порвите, оно дорогое! Глупо думать о таких мелочах, но, когда меня грубо ухватили под руки и поволокли к проходу, мысли были только о целостности нового наряда. Сомневаюсь, будто мне представился случай снова его надеть, но так бы Аксель смог его продать на местной барахолке, выручил бы хоть горстку меди.

И тут оцепенение спало. Словно в мозгу щелкнул рубильник. Какое платье, какое продать, почему Аксель ничего не делает? Или только рад от меня избавиться?

Однако я плохо думала о сероглазом.

– Стойте! – прогремел его голос. – По какому праву?..

– Она ведьма, – сухо оборонил человек в черном так, будто эти два слова оправдывали абсолютно все на свете.

Но не для Акселя. Словно дикий зверь, он ринулся на солдат и, не испугавшись пик, вырвал меня из их рук.

– Она никуда не пойдет! – положив ладони мне на плечи,

дерзко заявил сероглазый.

Опешившие солдаты косились на человека в черном в ожидании указаний. Задержание явно пошло не по плану. Предполагалось, что Аксель не станет вмешиваться, но он вмешался. Почему? Нет, я хотела, даже рассчитывала на его помощь, только с точки зрения здравого смысла лучше бы ему поблагодарить служанку за бдительность. Не знаю, как в Билардии, а в какой-нибудь Испании пятнадцатого века защитник ведьмы отправился бы вместе с ней на костер.

– Бросьте, тер, не губите свою душу! – вкрадчиво вмешался священник и попытался забрать меня у Акселя.

Тот лишь головой мотнул и еще крепче впился пальцами в плечи.

– Она его приворожила! – продолжала клеветать Ида. Воистину, дождалась своего звездного часа, ехидна! – А на полную луну пробралась в спальню, оседлала и...

– А у вас тут женщины только снизу и думают об Англии? – не удержалась я от едкого замечания.

Нервы нервами, страшно до одури, но велико преступление – поза наездницы! Если бы мы с Акселем до секса дошли, мне только ножки врозь, иначе ведьма?

Ида выпучила глаза словно рыба и замахала перед собой знакомым медальоном с символикой Двуликого. Потом и вовсе сунула его мне под нос, сопроводив злобным пожеланием: «Изыди!» Предполагалась, что прелюбодейка и по совместительству ведьма покроется струпьями, а то и вовсе

горсткой пепла стечет к ногам праведницы, но то ли праведница оказалась недостаточно праведной, то ли я недостаточно грешной, медальон не сработал.

Честно, думала, с Идой случится удар. Побагровев, она все тыкала мне медальоном в лицо. С тем же успехом. Пришлось ей несолоно хлебавши юркнуть за спину священника. Предусмотрительно, потому как Аксель горел желанием сказать Иде пару ласковых.

Человек с нашивкой петуха на рукаве наблюдал за происходящим со все возрастающим любопытством. Даже морщины на высоком лбу разгладились. Дождавшись окончания комедии «Изыди, ведьма!», он поинтересовался:

– Что такое «Англия»?

– Страна такая, – растеряв былой боевой дух, отозвалась я.

Под цепким взглядом блеклых глаз стало неуютно. Мужчина в черном мог сколько угодно притворяться благожелательным, на самом деле он враг, хочет меня подловить. То, как Аксель сдвинул мое плечо, лишь подтверждало догадки.

– И почему о ней надо думать? – не унимался главный ловец ведьм.

Только сейчас я поняла, что службу задерживали. Немыслимое дело! Однако факт оставался фактом. И все из-за человека с петухом на рукаве. Кто он? Явно некто очень и очень могущественный, его боялись даже господа из первого ряда. Только Гарольд Веер радовался, улыбался так, что

лицо бы в темноте светилось. Не его ли рук дело? Подкупить служанку несложно. Ида с первой минуты меня невзлюбила, бесплатно согласилась бы оклеветать, лишь бы вышвырнуть проходимку из дома.

– Ну, – пробормотала я, – это остров. Была там одна королева... Она так перед свадьбой наставляла дочь.

Черт, черт, черт! Зачем я лягнула про Викторию? Если тот человек – инквизитор, на что все указывало, то ему категорически нельзя знать, откуда я. Попаданка еще хуже ведьмы, прямо тут прикончат. Самое гадкое, что инквизитор почувал легкую добычу. Ишь, как глаза блестят, как довольно ухмыляется! Все язык мой, одни беды от него! Нет, чтобы немой прикинуться, когда Маша навязала свою компанию! Вот уж кто настоящая ведьма. Эх, найти бы ее подельников, вдруг они в курсе, как вернуться в родной мир. Не верю, будто коридор односторонний. Но это все потом, а пока выкручивайся, Катя, чтобы не попасть в местные криминальные сводки.

– Королева? – поднял брови мужчина в черном. Он явно мне не верил. – Ты состояла при ней фрейлиной или служанкой, иначе как могла подслушать?

– Служанкой. – Ну какая из меня придворная дама, пролетарское происхождение на лице написано. – Давно.

– О времена, о нравы! – сокрушенно покачал головой предполагаемый инквизитор, обращаясь к священнику. – Распутство процветает даже среди правителей. Святой отец,

разве кто-то из наших матерей стала бы говорить с дочерью на подобные темы, да еще при слугах? Вместо родительского напутствия и молитвы обучать новобрачную... У меня даже язык не поворачивается повторить!

Вот ханжа! Интересно, в постели тоже морщится, или ничего, богомерзкое дело сразу богоугодным становится? Ах да, как я забыла, он ведь мужчина, ему можно.

– Спасибо, дочь моя, – обернулся священник к Иде. – Теперь я воочию убедился, эта женщина, – он указал на меня, – сосуд греха. Надеюсь, мы еще сумеем спасти ее душу.

Дело запахло костром. Закончилась моя сказка, так и не успев начаться.

Повинуясь кивку человека в черном, солдаты вновь двинулись на нас. Ида же, чтобы ее местные черти забрали, трусливо сбежала. Ну да, сделал гадость – гуляй смело.

Однако Аксель был полон решимости меня отстоять.

– Повторяю еще раз, – громогласно заявил он, обведя твердым взглядом собравшихся, – моя спутница никуда не пойдет. Или вы ставите под сомнение мою компетентность, верите полоумной служанке?

– Зелье, кровавые письма! – Аксель презрительно фыркнул. – Сказки безграмотного простонародья! Я провел освидетельствование этой женщины, – он кивнул на меня, – в присутствии старшего офицера Магнуса. Он опытный ловец ведьм, можете его допросить и убедиться, Кати чиста.

– Обязательно допросим, – с гнусной улыбочкой кивнул

инквизитор. – А теперь, сделайте милость, тер, не мешайте правосудию.

Человек в черном щелкнул пальцами, и солдаты буквально отодрали меня от Аксея.

– Правосудию? – вскипел сероглазый. – Я сыт по горло вашим правосудием!

Он с силой толкнул в грудь ближайшего стражника и вплотную приблизился к инквизитору, сжимая кулаки. Священник от греха предпочел сбежать, а человек в черном, молодец, бровью не повел.

– Не усугубляйте! – посоветовал он Аксею. – Если эта женщина действительно невинная, как вы утверждаете...

– Глоева колесница, вы ее не заберете! – рыкнул сероглазый. – Можете сколько угодно плясать под дудку Гарольда, белее от этого его душа не станет. Ваша тоже, мессир, лишь покрывается сажей, пока вы подчиняетесь истинному преступнику.

– Все еще не можешь забыть, да, Аксель? – подал голос мерзкий блондин.

Вальяжной, ленивой походкой он направился к спорщикам и встал рядом с инквизитором. Гарольд мазнул по мне скучающим взглядом и переключился на главную жертву. Как я и думала, блондин искал способ уколоть, унижить Аксея, а я так, расходный материал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.